

Е. В. Гильбо

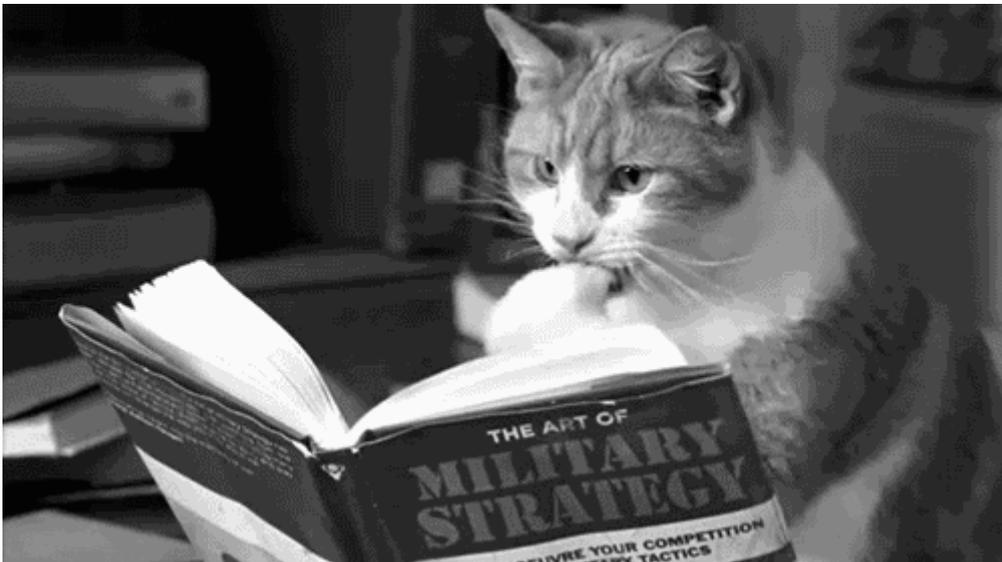
Постиндустриальный переход и мировая война

Евгений ГИЛЬБО

**ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД
и МИРОВАЯ ВОЙНА**

**Лекции по введению
в социологию и геополитику современности**

**Тенерифе
2013**

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКЦИЯ 1: СЛОМ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КАК ИСТОЧНИК УГРОЗЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	3
Ослабление контроля глобальных элит как источник возникновения угрозы мир. войны	3
Экономика эпохи автоматике.....	8
Соотношение экономического уклада и политической организации общества	10
Рост классовых противоречий в процессе постиндустриального перехода.....	13
Основные понятия и определения	16
ЛЕКЦИЯ 2: РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА	26
Классовая борьба в России в геополитическом аспекте.....	26
Деклассирование индустриальных классов	32
Переформатирование мира корпоратократией.....	38
Сегодняшняя Россия в контексте переформатирования мира	41
ЛЕКЦИЯ 3: БИЗНЕС ЭПОХИ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	44
Реиндустриализация	44
Реиндустриальное соревнование.....	47
Инженерное образование в эпоху реиндустриализации.....	50
Особенности бизнеса в эпоху реиндустриализации	52
Организация реиндустриализации в СНГ	54
Социальные последствия становления новой индустрии.....	57
ЛЕКЦИЯ 4: ВОЙНА.....	59
Предварительные замечания	59
Средства войны.....	60
Война информационной эпохи.....	64
Производительные силы и военная организация	67
Современная армия	71
ЛЕКЦИЯ 5: РАЗВЕРТЫВАНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	75
Начало горячей фазы мировой войны	77
Фаза стабилизации мировой войны	79
Завершающая фаза Мировой войны	82
Военная организация.....	84
Единство производственного и боевого процесса	88
Технологические основы производственно-боевого процесса.....	88
Военная каста.....	91
База и элиты	93
Тактика и стратегия.....	96
ЛЕКЦИЯ 6: ВОЙНА КИБЕРЦЕНТРОВ.....	99
Кибервойна: предыстория	100
«Красная звезда».....	102
Цикл Бойда	104
Кибер-центр в военном и гражданском применении.....	107
Постинформационный переход.....	111
Безинформационные войны.....	115
Новая технологическая база и Нетократическое сообщество.....	116

ЛЕКЦИЯ 1: СЛОМ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КАК ИСТОЧНИК УГРОЗЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ослабление контроля глобальных элит как источник возникновения угрозы мировой войны

«Если Вы не интересуетесь мировой войной, то может быть она интересуется Вами?» - риторически вопрошал когда-то Председатель Петросовета Лев Давидович Троцкий. Мы сегодня живем в ситуации, когда мировая война уже интересуется нами.

Как будет развиваться процесс этой войны? Тенденции хорошо предсказуемы, в то время как их конкретная реализация – это некие случайности. Я рассказывал в своих лекциях, что существуют вероятностные процессы, которые идут на уровне идей, на уровне поля вероятностей. Существует закономерность развёртывания этих процессов, она описываема, она предсказуема. А вот реализация процессов в материальном мире носит случайный характер. Но это стационарные, устойчивые случайные процессы.

В реальности мы имеем дело со случайными процессами. Мы можем говорить об их характеристиках и об их граничных условиях, о тех основах, на которых они развиваются.

Давайте обсудим те фундаментальные закономерности, которые лежат в основе разворачивающихся сегодня событий.

Главное, что происходит в мире - меняется технологическая база. В XX веке мы имели дело с механизированными производствами, которые лежали в основе **индустриальной фазы** экономической формации. В последние 25 лет мы имели дело с гибкими производственными линиями, которые лежали в основе экономики

периода перехода к постиндустриальной фазе. Сейчас мы встали вплотную перед ситуацией, когда начинается господство робототехники, господство роботов.

Индустриализм

Переходная фаза

Постиндустриализм

В промышленности, военном деле и даже в бытовой технике мы уже видим переходную от автоматов к роботам ситуацию. В основном пока мы имеем дело с автоматами, которые так или иначе управляются оператором, но уже идет переход к автоматам, которые могут принимать решения на основе заложенных в них алгоритмов или заложенных в них неалгоритмических систем принятия решений. С этого момента мы потихонечку входим в ситуацию, когда роботы начинают играть фундаментальную роль в мире, в котором мы живем.

Первое, где роботы начинают себя показывать - как всегда военная область. Новая техника всегда себя показывала, показывает и будет показывать в военной области.

Например, разведывательный робот XM1216 для наземных операций, в основном в городской местности

<http://army-news.ru>

Какие же социальные противоречия формируются и накапливаются в этой ситуации в окружающем нас мире? Ведь сегодня мы явно имеем дело с таким накоплением противоречий, с которым оказывается неспособной справиться современная мировая элита, или современные мировые элиты.

Чем занимаются мировые элиты? К чему они привыкли? Они привыкли все проблемы так или иначе разруливать деньгами. Это сформировало определенную иерархию элит, в рамках которой первой и базовой была элита финансовая. Финансовая элита на втором этапе индустриальной формации срослась с идеологической элитой. Финансовая элита осуществляла глобальное управление так, как она могла его осуществлять.

В последние десятилетия финансовые инструменты стали слабеть как инструменты глобального управления. Прежде всего, ослабели возможности перераспределения имущества. За последние 30 лет примерно на два порядка увеличился объём денежных операций, которые нужны для перехода из рук в руки одного и того же имущества. Если на перераспределение имущества стоимостью 1 млрд. раньше требовалось примерно на 20-50 млрд. операций с фиктивным капиталом, то сегодня уже нужны операции на несколько триллионов фиктивного капитала.

Это означает, что где-то в 100 раз ослаб финансовый инструментарий. В результате финансовая элита была вынуждена эмитировать, и сейчас эмитирует все больше и больше денег для того, чтобы решать накопившиеся в обществе проблемы. Отсутствие других рычагов, отсутствие понимания ситуации, отсутствие инструментов современного глобального управления привело к тому, что стареющие элиты неспособны справиться с накоплением противоречий.

Похожая ситуация была 100 лет назад, когда происходил поиск нового инструментария управления. До этого инструментарием управления были сила, традиция, сословные привилегии и соответствующая им идеология. С последней трети 19 века стало ясно, что те люди, которые осуществляли управление этим инструментарием, не справляются с процессом управления. Старые элиты не справлялись с процессом управления, и поэтому стало ясно, что только деньги являются инструментом, который в новой экономической ситуации способен обеспечить эффективное управление.

Именно поэтому произошел переход власти в руки финансовой аристократии из рук старой аристократии. Часть старой аристократии сумела переродиться в финансовую аристократию, часть оказалась выброшена на помойку истории. Это произошло в рамках процесса дезорганизации управления под названием Первая

Мировая Война. Мировая Война была следствием дезорганизации управления, следствием неспособности старых элит справиться с новыми вызовами.

В начале прошлого века уже были государства, в которых, в результате процессов еще 19 века, произошла смена элит, и власть перешла в руки финансовой элиты. Были и государства, где власть оставалась в руках старых сословных элит. Мировая война оказалась острой фазой процесса перехода власти от сословных элит к финансовым.

Россия накануне Первой Мировой Войны оказалась на стороне финансовой аристократии, но при этом страной господства финансовых кругов не была, и поэтому объективно не могла выйти из Первой Мировой Войны победителем. Даже её пребывание в составе Антанты не могло спасти старый отживший строй. С другой стороны, и финансовая аристократия в России была настолько слаба, что не была способна взять власть даже с опорой на внешние силы. В процессе Первой Мировой войны сословные и полусословные Империи – Российская, Австро-Венгерская, Германская – рухнули.

В Германии после разгрома начался переход власти в руки финансовой аристократии с опорой на внешние силы. Там этот процесс сорвался. Силы, ориентированные на модернизированные сословно-религиозные методы управления перехватили власть. Это привело ко Второй Мировой Войне против этой самой Германии.

В России финансовая аристократия не справилась с управлением. Она даже не смогла взять власть в свои руки после того, как революция была совершена и старая система была ликвидирована. Финансовая аристократия просто не имела инструментов управления, которые были бы адекватны ситуации в России. И тогда случились Октябрьский переворот и гражданская война. Западная финансовая аристократия поначалу поддержала большевиков, когда убедилась, что российская финансовая элита не способна управлять Россией. После метаний сделали ставку на большевиков. Это внешне противоестественное сотрудничество продолжалось достаточно долгое время, и было прервано холодной войной, хотя даже во времена холодной войны какие-то реликты этого сотрудничества оставались.

Такова была история прошлого срыва и перехода к новым методам управления. Сейчас мы имеем ситуацию, и зеркальную к той, и похожую на ту. **Идет срыв управления миром со стороны финансовых элит.** Происходит формирование новых элит, элит постиндустриальных: корпоратократии и нетократии. Я немного позже расскажу о тех моделях, которые предлагают тот и другой классы.

Классовая борьба совершенно не обязательно должна принимать вооруженные формы. Она их принимает только в том случае, если невозможен компромисс. Сегодня объективные условия требуют неизбежного перехода власти от одного класса к другому. Речь идет о том, **как** будет идти переход власти, переход ответственности от одного класса к другому. Но класс, который сегодня держит власть, не понимает этого.

Как говаривал Ликург, если Господь захочет кого-то наказать, он прежде всего отнимает у него разум. Именно это произошло со старыми феодальными элитами в конце 19 века. Интеллектуальный уровень этих элит полетел вниз. Он полетел туда по очень простой причине.

Пользоваться в новом мире старыми инструментами было интересно только тем представителям феодального класса, которые были достаточно тупыми для того, чтобы не осознать новых реалий и новых инструментов управления. В той части аристократии, которая была поумнее (в Англии и Франции умных аристократов было побольше, а чем восточнее – тем меньше), начался переход из класса феодальных властителей, то есть священников и помещиков, в класс финансовой аристократии.

Перерождение западной аристократии шло на протяжении всего XIX века. Как раньше феодалы управляли крестьянами, так финансовая аристократия стала управлять классом буржуазии, то есть производящим классом, и, опосредованно, классом пролетариата, который класс буржуазии организовывал. Класс феодальной аристократии потихонечку перетек в класс финансовой аристократии, который стал эксплуатировать класс буржуазии через систему финансовых инструментов. К началу 20 века они прошли полную трансформацию.

Эта система управления легла в основу того мира, который мы видели в XX веке. На протяжении первой половины XX века практически во всем мире были сметены все режимы, которые использовали более архаичный инструментарий управления.

СССР и социалистический блок вокруг него был видимым исключением в этом процессе. Казалось, что финансовой аристократии там нет, и управление идет частично модернизированными архаичными методами. Было и сословное разграничение, хотя оно очень мягко проводилось. Сословные различия, в противоположность феодальному обществу, на идеологическом уровне нивелировались, что было очень грамотным решением. Финансовое управление было эффективно дополнено плановым управлением.

Нам сейчас рассказывают, что в СССР не было финансового управления, что там был Госплан, фондированное снабжение. Но и Госплан, и фондированное

снабжение были по сути инструментами финансового управления. Инструментами очень эффективными. Настолько эффективными, что их изучали, внедряли на Западе. В странах Азии их внедряли на уровне государства и корпораций. В странах англо-саксонского мира и Европы эти методы внедряли на уровне корпораций.

В плане использования инструментария финансового управления до конца 50-ых годов СССР был лидером мирового развития. Только потом, с началом общей деградации СССР, при Хрущеве, начался распад этого инструментария.

Экономика эпохи автоматике

Чем отличается постиндустриальная цивилизация от индустриальной? В индустриальной цивилизации производитель что-то тиражировал. **Процесс тиражирования был основой экономики.** В постиндустриальном обществе **тиражирование ничего не стоит**, и каждый производитель создает продукт, который обладает новизной и значительностью в масштабах всего человечества.

Это очень важный процесс. Выражаясь марксистскими терминами, **труд приобретает всеобщий характер.** Раньше продукты всеобщей ценности производила только фундаментальная наука. Она была вне господствующего экономического уклада, хотя потихоньку и становилась непосредственной производительной силой, вписываясь в эти уклады. Но она была верхушкой, а не господствующим укладом.

Это хорошо видно, например, в методологии, которую в своей докторской диссертации применяет С.Ю.Глазьев. Анализируя вклад научно-технического прогресса в создание новой стоимости, известный советский экономист не учитывает в своей математической модели НТП как равный труду и капиталу производственный фактор, а расписывает его как довесок к замкнутой паре «труд-капитал», получая в результате гигантской длины и сложности формулы, достойные пера де Бройля. А ведь при введении стоимости образца как равного фактора получается крайне компактная, однородная и легко анализируемая формула, исследование которой легко осуществляется методами поиска оптимального управления.

Идеология, которая заставила С.Ю.Глазьева прибегнуть к столь сложной и неоднородной модели, отражала реалии вполне определённой эпохи, где в основе

производства стоимости лежал процесс тиражирования. Поэтому академическая наука традиционно пренебрегала стоимостью интеллектуального продукта и её трансформациями в экономических процессах. С.Ю.Глазьев попытался ввести в рассмотрение новые реалии современной ему экономики, стараясь не разрушить до конца господствующую идеологию, что и породило столь сложный математический аппарат его модели.

На более позднем этапе индустриальная экономика заключалась в том, чтобы превратить образец в технологию, эту технологию растиражировать, её массово произвести, продать, довести до потребителя. Это и есть основа индустриальных социальных технологий.

В постиндустриальном мире все по-другому. Здесь каждый производитель создает фундаментально новый продукт. С одной стороны, этот продукт обладает новизной и значительностью в масштабах всего человечества. С другой стороны, потребителей для него крайне мало, но зато эти потребители используют его, для того чтобы воздействовать или распространять свои интересы в глобальном масштабе. Вопрос тиражирования в этой экономике снимается тем, что каждый обладает автоматическими средствами тиражирования. Тот, кто сегодня не обладает – вскоре обзаведется.

Если у тебя стоит солидный лазерный 3д-принтер, который может работать с композитными материалами, то на сегодняшний день ты можешь произвести что угодно, не обращаясь к другим производителям. Это относится и к военной технике и к гражданской технике. Мы видим в ближайшей перспективе экономику, в которой ГПС уходят в инфраструктуру, а реальные деньги можно делать, только создавая глобально уникальный всеобщий товар. Деньги платят за образцы, проекты, модификации. Тиражирование никого не волнует, продажи – тоже. Господствующим экономическим укладом становится тот уклад, который был в прошлые эпохи характерен для фундаментальной науки, то есть был маргинальным.

Всё это происходит точно в согласии с предсказаниями Маркса. Никаких отклонений от предначертанного им пути нет. Мы воочию видим формирование материально-технической базы коммунизма, но то, что на этой базе будет надстроено, окажется совсем другим, чем виделось Марксу в его благостных фантазиях.

Марксовы экономические предсказания сбываются с абсолютной точностью, а его благостные фантазии на счет коммунизма сбываются часто с точностью до наоборот на абсолютно той же технологической базе. Включается действие факторов,

которых Маркс не то что не мог предвидеть, а просто не хотел их предвидеть, ибо они были за пределами его этических представлений.

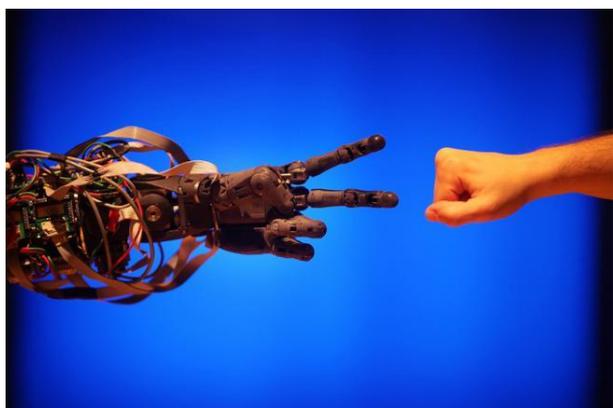

Напечатанный в 3D принтере Aston Martin

<http://www.3ders.org>

Соотношение экономического уклада и политической организации общества

Общество формируется на базе тех технологий, которые лежат в основе его экономического уклада. Но формирование политической надстройки, формы политической организации этого общества, не является непосредственной функцией от этого базиса, структуры складывающихся производственных отношений. В реальности мы имеем дело с переходным процессом.

В идеале данному технологическому укладу, данной структуре **производительных сил** должны соответствовать адекватные **производственные отношения**, то есть совокупность социальных и гуманитарных технологий, позволяющих эти производительные силы задействовать на благо обществу и человеку. Они потихоньку складываются. Но проблема исторического процесса заключается в том, легализовались они уже или нет.

Новые производственные отношения существуют вне зависимости от их легализации. Они могут легализовываться в результате эволюционного политического процесса, или же могут легализоваться в результате революции, как это было во времена слома феодальной структуры и перехода к индустриальной. В процессе этих легализаций, через формы этих легализаций, идёт становление новой **политической надстройки**.

Политическая надстройка никогда не является в чистом виде продуктом производственных отношений. **Экономика многоукладна.** Наряду с новым укладом существуют также и старые уклады, вопрос заключается лишь в том, **какой экономический уклад является господствующим.**

В феодальном обществе существует и постиндустриальный экономический уклад, и мануфактурный, протопромышленный экономический уклад, но естественно господствующим является соприродное хозяйство - прямая эксплуатация природных ресурсов: либо сельское хозяйство, либо добыча полезных ископаемых. Соответственно, источник феодальной власти - контроль природного ресурса: земли, источника, шахты, месторождения и так далее. Это - классическое феодальное общество, основанное на соприродном хозяйстве. Но если этот уклад господствует, это не значит, что больше нет других укладов.

Постиндустриальное общество - это общество, в котором господствует постиндустриальный экономический уклад. Но это совершенно не означает, что он является единственным укладом. Рядом с ним существуют и старые уклады, но при этом эти уклады просто уже **не являются господствующими.** Они не являются источником власти, на них уже не сделаешь той прибыли, которая может быть источником власти. Тем не менее, эти старые уклады и сформировавшиеся в их недрах классы и слои борются между собой. Из борьбы этих укладов, балансировки

интересов разных социальных слоев формируется политическая система. Она всегда является переходной.

В Российской Федерации в результате разрушения индустриального строя в 1990 е годы господствующим стал **феодальный уклад**. Этот уклад характерен для экономики, в которой источником ренты является эксплуатация природного ресурса – земли, источника, месторождения полезных ископаемых. Основным вопросом власти является обеспечение собственности, контроля природного объекта – источника ренты.

Промышленность частично сохранилась. Представители промышленников присутствуют во власти. Но базовый уклад, на основе которого сложилась политическая надстройка и который определяет характер власти - это чисто феодальная система. Свои интересы через нее проводят и промышленники, и постиндустриальные слои. И те, и другие вынуждены действовать по правилам этой системы.

И те, и другие этой системой не довольны. Она им враждебна потому, что они не могут реализовывать свои собственные интересы через эту систему адекватным для их производственных отношений образом. Поэтому для них объективно на повестке дня стоит задача перестройки этой системы. Реализовать эту задачу в условиях мирного времени - дело долгое. Возможно это путём политической борьбы и сдвиг вокруг административного ресурса.

Допустим, я хочу свои интересы каким-то образом пролоббировать, а феодалы мне говорят: административный ресурс держим мы, поэтому ты должен прогибаться по правилам феодального пацаната. Это представителям новых сил не нравится. Они начинают воспринимать эту политическую систему как враждебную. Но при этом у них нет пока достаточных сил, чтобы эту систему опрокинуть. Поэтому сейчас они вынуждены с этой системой мириться.

То же самое происходит во всех остальных странах. В США достаточно сильны постиндустриальные классы. Они крайне враждебно относятся к политической системе финансовой аристократии, которая возглавляет господствующий экономический уклад. Политическая система США была основана когда-то на союзе интересов национальной буржуазии и финансовой плутократии. Но в последние 30 лет, в связи с ослаблением национальной буржуазии, плутократы серьёзно усилились, а новые силы в эту систему уже не вписываются, и все больше и больше хотят её в целом опрокинуть. Как только национальная буржуазия решится кинуть плутократов и пойти на союз с усилившимися постиндустриалами – политическая система США будет опрокинута и заменена чем-то другим.

Такая же картина и в Европе. В Европе постиндустриальные слои используют центральную брюссельскую бюрократию против национальных бюрократий, которые выражают интересы деклассированных индустриальных слоев, паразитического класса.

Таков реальный политический расклад. Теоретически возможна его трансформация, переход во что-то более приемлемое для постиндустриальных классов при помощи политического процесса, через реформы. Для этого должен прийти откуда-то реформатор, который захотел бы эти реформы провести. Например, когда в 70-е годы XIX века сложилась Германская Империя, во главе её оказался достаточно мудрый император, Вильгельм Великий, и его крайне дееспособный и умный канцлер, Отто фон Бисмарк. Эта связка обладала достаточной политической волей и пониманием ситуации, чтобы провести необходимые реформы, которые создали политическую систему, адаптировавшую Германию к эпохе индустриального империализма. Возможны были разные формы организации государства в индустриальную эпоху. Вильгельм и Бисмарк ставили перед собой задачу проведения активной империалистической политики. Они точно заточили под это систему, грамотно примилив интересы классов, которые её составляли.

В истории есть примеры успешных реформаторов и успешных реформаций. Есть примеры не очень успешных, но решавших каким-то образом вопрос реформаций. Были ситуации, когда переход был результатом либо революции, либо войны. Первая Мировая Война послужила мощнейшим катализатором переходного процесса, прежде всего в Восточной Европе, где только благодаря ей началась активная и весьма успешная адаптация государств к индустриальному укладу.

Рост классовых противоречий в процессе постиндустриального перехода

Почему в первой половине 20-го века человечество пережило мировую войну, растянувшуюся больше чем на 30 лет – с 1911 до 1945-го года? Что это была за Мировая Война?

Проблема была в том, что мировые элиты оказались неспособны договориться между собой о стабильной трансформации общества в условиях господства новых производственных отношений. В то время Чехов написал очень хорошую пьесу, «Вишневый сад», в которой присутствуют представители старого феодального

класса и представитель буржуазии, который все время предлагает компромиссы в интересах этих представителей феодального класса. Представитель феодального класса, совершенно не понимает реалий. Дамочка не понимает, что ресурсы-то уже не у неё. Она относится с презрением к представителю буржуазии. Она говорит нет на каждую попытку буржуа вписать её в реалии нового общества. В результате собственность и власть переходит в руки буржуа.

Это был мягкий вариант перехода. Он имел место до Столыпинской реакции. В процессе этой реакции сложились уже отношения такой нетерпимости в обществе, что жёсткий вариант перехода означал вырезание представителей старой элиты и их ближайших слуг. Это и осуществила в России февральская революция и продолжившая её гражданская война.

Что же происходит в мире сейчас? Какие элиты идут вверх? Между кем сегодня нарастают классовые противоречия?

Финансовые элиты управляют обществом через религию денег, о которой я много и интенсивно говорю на протяжении 25 лет. Религия денег основана на всеобщем убеждении, что деньги являются универсальным решателем проблем, что деньги решают всё. В рамках этого убеждения люди начинают все свои действия направлять на то, чтобы эти деньги прибрать к рукам, чтобы зарабатывать, зарабатывать, зарабатывать. Поскольку на самом деле деньги не являются универсальным решателем проблем, люди не могут эти деньги эффективно потратить. Поэтому в обществе существует система рестрикции денег через разного рода жульнические проекты, налоговые изъятия, изъятия связанные с лотереями, биржевой игрой, форексами и прочей шизой. Система рестрикции плюс система инфляции – и в результате в общество можно каждый год впрыскивать количество денег равное 20-30% ВВП или больше.

Как происходит впрыскивание этих денежных масс? Финансовая элита их эмитирует, на них что-то приобретается. Соответствующие эмитированной сумме 20-30% ВВП, то есть произведенных обществом материальных или нематериальных ценностей, переходит в руки финансового класса. В результате, этот класс каждый год обогащается на 20%-30% ВВП. Через 10 лет это уже 2-3 ВВП. Перераспределение в свою пользу этих ресурсов и есть основа власти в таком обществе. На самом деле сам процесс немного сложнее, я его здесь упрощённо обрисовываю в интересах данного изложения.

Глобальная финансовая элита эмитирует сегодня доллар, а также все валюты, которые к доллару привязаны привязаны через каренси-борд и прочие механизмы контроля эмиссии. Все национальные банки, скажем, Банк России, являются банками второго уровня в ФРС. Банк России не является независимым банком. У него есть определенные процедуры подчинения регулированию ФРС. В таком же положении и другие национальные банки, за исключением

Европы, где есть Европейский Центральный Банк, и его регулированию подчиняются национальные банки Европы, которые раньше подчинялись ФРС.

Это и есть в общих чертах процедура финансового управления, **система финансовой власти**. Сейчас она дала сбой по целому ряду причин.

Корпорации все в большей и большей степени учатся обходиться без эмитированных кем-то денег. Они начинают сами эмитировать те или иные расчетные средства. Они начинают переводить внутренние расчеты на эти расчетные средства. Точнее, начали они этот процесс лет 20 назад, и сейчас уже многие корпорации перешли к системе, когда внутри корпорации ходят не деньги, а иные сигналы. Часто даже во внешних экономических отношениях многие корпорации рассчитываются эмитированными ими самими ценностями.

Владеющий и управляющий корпорациями класс - **Корпоратократия** - сейчас переходит на безденежные механизмы внутреннего управления, потоки ходят на базе чистого электронного учета. А для внешних расчетов она использует те же деньги. Поскольку внутри она их не использует, она их аккумулирует и использует вовне. Корпорации между собой пытаются договориться, чтобы взаимодействовать не через деньги, а через механизмы фондирования, то есть не зависеть и здесь, во взаимных расчетах, от финансовой аристократии. В общении с окружающим миром всё ещё приходится использовать деньги, что создает зависимость от финансовой аристократии и формирует те классовые противоречия, которые являются источником войны корпоратократии против финансовой аристократии

Так же себя начинает вести **торговая аристократия** - владельцы торговых сетей, которые все в большей и большей степени начинают эмитировать свои деньги, прежде всего для оптовых расчетов, все больше и больше начинают предлагать свои кредитные карты, то есть берут у своих покупателей беспроцентный, бесплатный кредит.

В результате этих процессов зависимость корпоратократии и торговой аристократии от финансовой аристократии становится все меньшей. Основная тяжесть эксплуатации финансовой аристократией приходится на самые тупые круги, иждивенческие и прочие, в которых еще действует религия денег. Чем больше верхушка избавляется от религии денег, навязанной ей когда-то, тем в большей степени происходит закрепощение этой религией на низовке.

Процесс перехвата рычагов управления и избавления зависимости новых классов от финансовой аристократии и есть содержание классовой борьбы в процессе постиндустриального перехода.

Основные понятия и определения

Этот подраздел введён для того, чтобы кратко дать представление о той социологической модели, которая адекватно отражает реалии сегодняшнего общества. К сожалению, обычно в качестве социологических представлений в нашем обществе транслируются марксистские догмы столетней давности. Теории же, которые находятся за пределами марксизма, являются ещё более неадекватными сложившейся реальности.

Мы живём в эпоху перехода от индустриальной фазы экономической общественной формации к постиндустриальной. Этот переход означает коренную смену производственных технологий: от участия человека в процессе тиражирования образца к полной автоматизации процесса тиражирования. Человеку в новом экономическом укладе остаётся производительная деятельность лишь по производству образцов, а также уникальных товаров и услуг. Эта деятельность, прежде всего, связана с производством дигитального и мотивационного продукта.

Коренная смена производственных технологий (производительных сил) означает коренную смену производственных отношений. Новый **технологический уклад** диктует новый **социальный уклад** и новую систему базовых ценностей. Источником власти в новом обществе оказывается обладание не средствами производства, а уникальными информационными ресурсами, структурами связей и человеческих контактов (сетями).

В рамках новых производственных отношений оформились основные **классы современного общества**:

- ❖ **корпоратократия**, власть которой держится на владении административным ресурсом в корпорациях, интегральных системах организации людей;
- ❖ **постиндустриальные производители**, независимость и — при объединении — власть которых держится на способности производить уникальные информационные ресурсы и обладании ими;
- ❖ **консьюмериат** — низовой класс общества, потребляющий блага, производимые господствующими классами в рамках, определённых господствующими классами;
- ❖ **торговая аристократия**, власть которой держится на контроле сетей продвижения товаров консьюмериату;
- ❖ **нетократия**, власть которой базируется на формировании и управлении сетевыми структурами организации людей.

Социальная структура постиндустриального уклада общества определяется диалектическим взаимодействием этих классов. Интегрирующую роль в этой структуре выполняют, конкурируя между собой, корпоратократия и нетократия. Каждый из этих классов предлагает свою социальную модель организации общества.

Предлагаемая корпоратократией модель (**корпоративное общество**) предусматривает иерархическую организацию общества пирамидального типа. Предлагаемая нетократией модель основана на **реляционной структуре** организации общества как системы сетевых структур. Реальное становление социальной структуры общества определяется идущей сегодня диалектической борьбой этих двух структурных решений. В настоящее время преобладает корпоратократическая модель, продвижение которой опирается на ресурсы, консолидированные корпоратократией в период кризиса индустриальной модели за счёт экспроприации их у буржуазных классов (капиталистов и государственной бюрократии).

В предлагаемой корпоратократией социальной модели классу постиндустриальных производителей отводится роль эксплуатируемого класса, с применением модифицированных технологий эксплуатации, унаследованных от индустриального общества. Консьюмериату предлагается киберпанк, то есть существование в рамках, ограничивающих уровень потребления и творческий потенциал.

В предлагаемой нетократией социальной модели классу постиндустриальных производителей предлагается самоорганизация и положение независимого производителя, а консьюмериату предлагаются формы самоорганизации, которые предусматривают более широкую социальную мобильность и возможность, особенно для молодёжи, социальных лифтов в класс постиндустриальных производителей.

Основное содержание **классовой борьбы** в становящемся постиндустриальном обществе заключается в конкуренции этих двух моделей наподобие того, как в индустриальном обществе классовая борьба сводилась к конкуренции капиталистической и социалистической моделей социальной организации. Нетократия в этих условиях является авангардом коалиции собственно нетократии и постиндустриальных производителей, возможными союзниками которой в силу своих классовых интересов могут оказаться консьюмериат и торговая аристократия. С другой стороны, для консьюмериата и торговой аристократии возможна коалиция с корпоратократией в случае их согласия на положение низовых слоёв иерархии, предлагаемой этой коалицией. Для значительной части консьюмериата как паразитического класса, такая коалиция оказывается вполне привлекательной в силу исключения ответственности.

Переходная эпоха от индустриального к постиндустриальному обществу характеризуется конкуренцией двух экономических укладов. В настоящее время можно констатировать окончательный **крах индустриального уклада** во всём мире, кроме отсталого Восточноазиатского региона, и становление **господства постиндустриального уклада**. В связи с этим идёт отступление и фактическая ликвидация со сменой поколений старых классов, господствовавших в

индустриальном обществе — буржуазии, финансовой олигархии, бюрократии, а также **деклассирование** индустриальных производителей и переход их в консьюмериат.

Бюрократия, бюджетные служащие и работники дотируемых индустриальных производств перешли сегодня в положение **паразитических классов** общества, сформировав соответствующую паразитическую психологию и социальную практику. В Европе, США, СНГ мы в одинаковой степени видим деградацию старых структур бюджетного образования, здравоохранения с переходом их работников от производительного к чисто паразитическому существованию.

Бюджетное образование, не давая нужных для жизни в современном обществе знаний и навыков, эксплуатирует обманываемого студента при помощи вымогательств и получения бюджетных денег за превращение жертвы в «квалифицированного потребителя», то есть неконкурентоспособную биомассу киберпанка. Бюджетное здравоохранение эксплуатирует жертву методами лечения, несовместимыми с излечением и связанным с этим процессом вымогательством. Бюрократия в качестве своей социальной базы занимается завозом паразитически настроенных и культурно враждебных иммигрантов с их социальным обеспечением за счёт общества. Рабочие дотационных производств ведут активную борьбу за сохранение и расширение дотаций, провоцируя финансовый кризис, как в Греции и Испании, и захватывая для этого административные высоты, как в уральском регионе погибающей РФ.

Аналогичные процессы деклассирования охватывают и буржуазию (за исключением пока что Восточной Азии). В Странах СНГ, где крупная буржуазия не сложилась, и её роль выполняют уполномоченные бюрократией номинальные собственники, поведение этого слоя полностью совпадает с паразитическим поведением разлагающейся бюрократии.

Процесс разложения индустриального уклада сопровождается жёсткой классовой борьбой корпоратократии против паразитических классов. Корпоратократия ведёт **антагонистическую борьбу** на уничтожение люмпен-буржуазии, люмпен-бюрократии, люмпен-интеллигенции и бюджетных паразитов в мировом масштабе. Нетократия, постиндустриальные производители и торговая аристократия занимают в этой борьбе в настоящее время нейтральную позицию.

Другим антагонистическим противоречием эпохи является противостояние торговой аристократии и финансового капитала. Содержанием классовой борьбы здесь является вопрос о праве эмиссии торговыми сетями своих денег. С ростом

сетевых структур, формируемых нетократией, она неизбежно окажется стратегическим союзником торговой аристократии в этом противостоянии.

Неизбежной составляющей переходного процесса является **кризис социального государства** и национального государства вообще, которые базировались на социальной структуре индустриального общества. Классовые интересы буржуазии и позже бюрократии, породившие основные формы этих государств, диктовались заинтересованностью в существовании массовой, ответственной и

квалифицированной рабочей силы, которая в рамках всеобщей занятости осуществляла процесс тиражирования образцов. В современном производительном укладе, когда этот процесс автоматизирован, заинтересованность в воспроизводстве такой рабочей силы отсутствует у какого-либо дееспособного класса, что и привело к исчезновению к концу прошлого века спроса на

системы её воспроизводства — всеобщее образование, здравоохранение и социальное обеспечение, в результате чего мы видим деградацию и свёртывание этих структур.

Постиндустриальные классы не склонны осуществлять финансирование умирающих государств, видя в этом сугубо непроизводительные расходы. Корпоратократия сама формирует структуры силовой защиты своих интересов, постиндустриальные производители не видят эффективного защитника в государстве и ищут другие варианты защиты своих интересов. **Государство окончательно превратилось в инструмент перераспределения ресурсов от производителей к паразитическим классам.** Производящие классы согласны на такое перераспределение ресурсов лишь на собственных условиях, но в старых государствах условиях диктует бюрократия, то есть паразитические классы.

В этих условиях инструментом защиты интересов постиндустриальных производителей стал перенос хозяйственной деятельности в менее враждебные юрисдикции. Бюрократия борется с этим процессом, применяя репрессивный аппарат и юридические ухищрения, что и является **содержанием классовой борьбы** на данном этапе. Существуют различные формы этого противостояния — от классового антагонизма, как в Европе, до **классового мира**, как в дружественных юрисдикциях. В США и странах СНГ мы видим промежуточный вариант, когда давление бюрократии имеет довольно вялый и в целом невраждебный характер, что открывает возможности для классового мира и сотрудничества.

Кризис государств в рамках западного мира означает их неизбежное исчезновение в ближайшей исторической перспективе. В реальном исчислении доходы госбюджетов государств Европы за 20 лет сократились в 2-2.5 раза, в США — почти в 2 раза. В СНГ это произошло обвально в 1989-1992 годах, и бюджетное обеспечение на душу населения сегодня в 4 раза ниже, чем было в СССР. Бюджетный кризис не затронул пока Восточную Азию, но и там не может идти никакой речи о выстраивании и содержании социального государства эпохи модерна.

Таким образом, государства исчезают, подобно Чеширскому коту. Если сегодня от них осталась лишь улыбка, то скоро исчезнет и улыбка. В ближайшее десятилетие мы увидим ускорение процесса свёртывания финансирования систем массового образования, здравоохранения и соцобеспечения,

сокращение силовых структур и их приватизацию. Уже сейчас государства ЕС и СНГ не могут содержать вооружённые силы, предназначенные для внешней защиты территорий и содержат, в основном, полицейские войска только для подавления протестов внутри своих стран. В Европе боеспособные контингенты имеют только Греция и Турция, Англия и Франция фактически воюют только наёмниками и технологическими войсками (авиация, электронные войска). Эти войска применимы для спецопераций, но уже не могут гарантировать защиту территорий в случае серьёзной внешней агрессии. Способность РФ поддерживать полицейские силы сегодня обеспечивается бюджетным наполнением за счёт продажи природных ресурсов.

Процесс исчезновения национальных государств, вне зависимости от того, идёт он стабильно или катастрофически, ставит на повестку дня вопрос о формах существования сложившихся **национально-культурных эгрегоров** в условиях **безгосударственного** существования. Единственным разумным решением тут оказывается переход к корпоративному и метакорпоративному существованию, когда безопасность эгрегора и его членов обеспечивается силами национальной корпоратократии подобно тому, как в индустриальном государстве она обеспечивалась бюрократией. Естественным образом встаёт вопрос о способности каких-то кланов существующих бюрократических классов переродиться в национальную корпоратократию или же о складывании оной на базе национальной нетократии.

В зависимости от решения нациями этого вопроса оказывается само постнациональное **существование эгрегоров**. Например, при том, что половина русских с 1991 года оказалась вне национального государства, русский эгрегор пока не смог не только решить, но и осознанно поставить перед собой этот вопрос в силу отсутствия классового самосознания практически всех классов в рамках всего гиперкомьюнити.

Поскольку территориальный контроль и внешняя безопасность территорий за рамками небольших анклавов островного или полисного типа оказываются в новом обществе технологически и ресурсно невозможными, происходит коренное изменение геополитической ситуации в мире. Пространство **киберпанка** оказывается уязвимым для воздействия силовых структур корпораций (и для псевдофеодальных образований, которые там сложатся, ливийский сценарий будет повседневной угрозой, переходящей в реальность), а сами корпорации оказываются базированными на хорошо защищённые **анклавы или цепи анклавов**.

С другой стороны, всё пространство киберпанка оказывается лёгкой добычей для ползучей агрессии индустриальных государств. Их телодвижения в этом вопросе будут ограничены только опасениями за внутреннюю стабильность при экспансии и опасностью постиндустриальной агрессии корпораций, разрушающей эти государства извне. В любом случае, индустриальные страны будут изливать на территорию киберпанка внутреннюю нестабильность.

В этих условиях **производящие классы вынуждены будут обособиться** от киберпанка в постиндустриальных анклавах. Те эгрегоры, которые породят национально-эгрегориальные метакорпорации, базированные на анклав или сеть анклавов, смогут крышевать свой консьюмериат в зонах псевдофеодальных образований киберпанка. При отсутствии подобного крышевания этот консьюмериат будет в одном поколении ассимилирован другими эгрегориальными и глобальными корпорациями, что подорвёт базу производящих классов эгрегора, и они также будут вынуждены ассимилироваться в другие эгрегоры или создать закрытый анклав и/или корпорацию орденского типа.

В силу дигитального и **культуроцентрического характера производства** в постиндустриальном обществе, базовой основой, определяющей единство эгрегора и структуру рынка, оказывается **язык и языковая принадлежность**. Те языки, которые объединяют сегодня большие массы людей, являются главными кандидатами на выживание как базы рынков для постиндустриальной продукции. Понятно, что кроме массовости роль играет ещё и уровень развитости языка для постиндустриальной жизни.

С этой точки зрения перспективы выживания и ассимиляции остальных имеют следующие языки (в порядке перспективности):

- Английский
- Испанский
- Китайский
- Русский
- Португальский
- Французский
- Немецкий
- Японский
- Итальянский

- Корейский
- Турецкий (с ассимиляцией азербайджанского и др)
- Арабский
- Польский
- Фарси

Языки, выживание которых в качестве эгрегориальной основы возможно:

- Урду (если элита урду откажется от практики ассимиляции в англоязычный мир, что вряд ли)
- Вьетнамский
- Тайский
- Румынский (если в Румынии сложится постиндустриальный класс, чего пока не видно)
- Голландский (если будет жёсткая политика его защиты)
- Венгерский (ибо деться венграм некуда и могут попробовать выжить)
- Греческий
- Чешский
- Сербохорватский
- Шведский (по тем же причинам, что у венгров)

Можно предположить, что индустриальное развитие отсталых народов Индостана и ЮВА также подготовит их в перспективе к переходу к эгрегориальному существованию. А может быть, давление глобальных корпораций приведет к их ассимиляции.

В этих условиях почти для всех народов СНГ русский язык оказывается важнейшим конкурентным преимуществом, даже в тех случаях, когда недостаточное владение им ставит в положение «младших братьев». Ставка на этнические языки оказывается бесперспективной в исторической перспективе.

Например, политика нацистских режимов в Прибалтике сделала неизбежной исчезновение и англоязычную ассимиляцию прибалтийских народов в ситуации, когда принадлежность к русскоязычному эгрегору уже сегодня открывает выход на более привлекательные рынки. Ставка украинских нацистов на превращение в язык диалекта галицийского субэтнуса не только потерпела провал,

но и поставила сам галицийский субэтнос перед неизбежной жёсткой ассимиляцией польским эгрегором вместо спокойного существования в рамках русского эгрегора. Узбекистан и Азербайджан стоят перед неизбежным выбором между ассимиляцией в тюркоязычный или русскоязычный мир, причём ослабление уровня русификации в последние десятилетия делает этот выбор неочевидным. Для южных славян русификация остаётся наилучшим выбором, а для Чехов выбор между ассимиляцией русскими или немцами пока что решается в пользу немцев. В Румынии дееспособные элементы предпочитают ассимиляцию среди четырёх перспективных романоязычных эгрегоров. Тогда как для молдаван русификация в исторической перспективе неизбежна.

Экономическая и культурная заинтересованность национальных постиндустриальных производителей в сохранении собственного культурного рынка делает возможным их отказ от узкоклассового подхода и союза с иждивенческими классами в целях сохранения, выживания, развития национального эгрегора. В случае реализации такого классового сотрудничества на основе национальной общности, возможен отказ постиндустриальных элит от нынешней ориентации на ассимиляцию в англосаксонскую культурно-эгрегориальную среду, который навязывается сегодня политикой властей стран СНГ и позицией паразитических классов. Такой вариант развития вероятен, а значит, существует и надежда на выживание русского культурного эгрегора, успешное преодоление им постиндустриальной трансформации и занятие достойного места в складывающемся в процессе этой трансформации мире.

Такова, в самых общих чертах, метаполитическая ситуация в сегодняшнем мире. Я рекомендую Вам несколько раз перечитать этот раздел для того, чтобы не путаться в дальнейшем изложении. Как говаривал В.И. Ленин, не решив для себя общие вопросы, мы всегда будем упираться в них, решая частные.

ЛЕКЦИЯ 2: РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

Классовая борьба в России в геополитическом аспекте

Что происходит сегодня в мире в геополитическом разрезе?

Индустриальных стран, за исключением юго-восточной Азии, сегодня уже не осталось. Все страны в той или иной степени постиндустриальны. Остальные разделяются на страны постиндустриального ядра и постиндустриальной периферии. Корпоратократия берет на себя миссию **переформатирования постиндустриальной периферии** в соответствии со своими интересами.

Каковы свойства вот этой постиндустриальной периферии? Главное свойство - полное подчинение этих стран финансовой аристократии. Элиты этих стран, так называемые компрадоры, работают на финансовую аристократию.

Как они работают на финансовую аристократию? Они работают в противофазе тому, как работает корпоратократия. Если корпоратократия садится на какой-то ресурсный поток, то она делает этот ресурсный поток базой **своей власти**. Если компрадоры садятся на какой-то ресурсный поток, они начинают продавать этот ресурс за эмитированную кем-то валюту, превращая свой ресурсный поток в основу **чужой власти**. В основу власти того, кто эмитирует эту валюту.

В результате этого происходит усиление финансовой аристократии. Она умирает медленнее, у неё появляются ресурсы для продолжения борьбы с корпоратократией.

Мы видим эту ситуацию на протяжении последней четверти века. Когда в России шла классовая борьба под названием Перестройка, было две коалиции политических сил. Была возглавляемая Горбачевым коалиция, ориентированная на сотрудничество с корпоратократией, на сотрудничество с прогрессивными мировыми силами. За ней

стояла высокотехнологическая советская элита, технократия. Ей противостояла коалиция всякого рода реакционных сил, безответственная партноменклатура, криминал, нацисты разного толка. Эта коалиция была ориентирована на сотрудничество с финансовой аристократией. В результате известной схватки 91-93-го года победили те силы, которые ориентировались на финансовую аристократию.

По советской традиции всё дерьмо льют на проигравшую сторону, обвиняя именно её в последствиях своих собственных действий. В 50-е те, кто организовывал репрессии 30-х, радостно приписали их Сталину и Берию, которые согласно документам занимались больше реабилитацией, а не репрессиями.

Сегодня Кургинян и прочая братия льют дерьмо на Горбачева, хотя не Горбачев подписывал Беловежские соглашения, не Горбачев устраивал приватизацию, не Горбачев устраивал гайдаровскую инфляцию, не Горбачев приглашал Джеффри Сакса, да и парламент расстреливал не Горбачёв. Что это всё клевета - понятно

человеку психически здоровому, но в изнасилованном идеологическими сифилитиками – ельциноидами - обществе психически здоровых людей не так много. Поэтому вся эта банда и может продолжать врать сколько угодно. Только заплатить за клевету на Горбачёва России придётся так же дорого, как СССР пришлось заплатить за хрущёвскую клевету на Сталина.

Как выглядело бы сотрудничество с мировой корпоратократией в случае победы политики Горбачёва, точнее «плана Андропова»? В планах прогрессистской группы было превращение всех министерств, особенно высокотехнологических (понятное дело, что текстильная промышленность мало кого интересовала) - а у СССР было много высокотехнологических министерств - в корпорации, которые были бы конкурентоспособны на мировом рынке. Этим корпорациям предполагалось придать в помощь определенные структуры советской разведки, чтобы они могли осуществлять защиту их конкурентных интересов на мировом рынке.

Кооперативное движение было задумано не для того чтобы отмывать деньги, как это делали ельцинисты, а для того, чтобы частная инициатива могла вести высокотехнологическую деятельность. Для этой же цели задумывались и ЦНТТМ. Была ориентация на японский образец, где основные инновации проводят маленькие конторы, или - как сейчас в Израиле – система, где маленькие инициативные фирмы проводят инновации, потом отдают их корпорациям. Инноваторы получают ресурсы на дальнейшее развитие, корпорации получают возможность разворачивать инновации.

Переход к такой модели и был задуман в рамках той трансформации, которую сейчас называют «планом Андропова». Никакой приватизации национального достояния не предусматривалось – приватизации подлежали всякие магазины, предприятия лёгкой и пищевой промышленности, чтобы передать в частные руки обеспечение населения товарами народного потребления, разгрузив не справлявшееся с этим государство.

Группа Горбачёва делала ставку на класс постиндустриальных производителей. Чтобы они могли получить свое представительство во власти, была создана демократическая система выборов в советы. Она была разработана так, чтобы постиндустриальные производители в первую очередь могли прорваться во власть в тех районах, где они были. И они тогда туда прорвались.

Первый созыв Съезда Народных Депутатов РСФСР, к примеру, был представлен производителями, а не паразитами. Кто там был и как это выглядело, нереально даже представить тем, кто видит перед собой нынешнюю Думу. Паразитические классы только после ельцинского переворота 1993 года стали господствовать в Думе, в результате изменения избирательной системы.

Эту политику Горбачёв не смог довести до логического завершения в силу своей слабости как политика, в силу непрочности коалиции, которая была вокруг него. Если бы эта политика увенчалась успехом, Россия совершила бы рывок, рядом с которым Китай был бы смешон на сегодняшний день. Россия была бы успешной постиндустриальной страной, а Китай до сих все еще индустриальный, он только сейчас подползает к переходу к постиндустриалу. За 20 лет развития в рамках постиндустриальной стратегии Россия очень хорошо бы прорвалась вперёд.

Даже при крайне постепенном и консервативном освоении новых производительных сил не было бы ни спада 90-х, ни стагнации 2000х. ВВП СССР стабильно бы вырос к 2005-2007 годам до размеров на душу населения, втрое более высоких, чем сегодня у США – просто за счёт внедрения в 1990 е годы повсеместно ГПС, а после 2007 года – перехода к массовому внедрению автоматических

производств. Впрочем, и США в этом случае имели бы сегодня вдвое-втрое более высокий ВВП, поскольку в этом случае их ждал бы несомненный кризис в начале 1990-х, который бы позволил перехватить корпоратократии власть у финансистов, и на новой основе начать экономическое соревнование (или сотрудничество?) с СССР.

Такое развитие событий, вполне реальное технологически, оказалось фантастикой в силу того, что против была та часть элиты, которая укоренена в народе, да и сам народ. Горбачев опирался на ту часть элиты, которая была укоренена в партии и, особенно, технократической системе управления производительными силами.

Та часть элиты, которая укоренена в народе, была ближе к той модели, которая предлагала финансовая аристократия. Народ очень любил и любит доллар. Он верил и верит в него. Народ любил воровать. Он любит все ворованное тут же монетизировать, превращать в доллар, куда-то вывозить. При этом он любит называть русофобом всякого, кто укажет на эти его свойства и неэффективность оных для успеха. Нынешняя российская элита отличается от остальных сограждан лишь тем, что ей удалось реализовать то, о чём остальные лишь мечтают.

Победила та часть элиты, которая была укоренена в народе и испытывала общие с ним чаяния. Элита делала то, о чём каждый мечтал. Те, кто мечтал, проголосовали и до сих пор исправно голосуют за тех, кто это делает. Выдвинулись люди соответствующие, и сложился ельцинский режим.

Ельцин был очевидным лидером этого народа. Он сам мечтал поворовать, в Аэрофлоте, с Березовским замутировать, с Абрамовичем фондик учредить. Это было нравственное содержание определенной религии личности, но эта личность была выдвинута народом именно потому, что народ принял денег и тем решил ставить на финансовую аристократия.

После проигрыша Горбачёва и распада его группировки сила ещё оставалась в руках у сторонников постиндустриального, технологического развития. Мы могли бы пойти на силовой вариант в середине 90-х, заставить эту элиту порвать с финансовой аристократией и силой уничтожить активных компраторов. Это означало ставку на собственную валюту вместо доллара, а это бы повлекло возникновение железного занавеса с той стороны, закрытие страны на 5-7 лет, пока корпоратократия не получила бы преобладание в Западном мире. Для элиты, да и

средних слоёв СССР это означало бы, что возможности покупать за границей недвижимость, ездить туда, им бы с той стороны закрыли.

Чтобы людей заставить пойти на это, надо было значительную часть компрадорской элиты посадить или иным способом нейтрализовать, то есть вернуться к сталинским методам. Но тогда вставал вопрос: где взять новых людей, которые имели бы другое представление о жизни? В достаточном количестве их было взять неоткуда. Народ неизбежно выдвигал бы на это место новых приверженцев религии денег.

Наше дело оказалось стратегически проигранным. После столкновения с компрадорами в 1993, когда народ по сути поддержал компрадорские силы, элита, которая ориентировалась на постиндустриальный переход, после проработки всех возможных сценариев в 1994-1995 году, оказалась вынуждена признать нерализуемость своих целей в

рамках нормального политического процесса, без конфронтации с большинством народа. Было решено принять выбор народа и уйти.

Россия в 90-ых выбрала путь ставки на сотрудничество с умирающим классом, на сотрудничество с финансовой аристократией. Россия в 1991-1995 годах выбрала полное подчинение религии денег. Сейчас вся Россия со всеми своими ресурсами является базой финансовой аристократии.

Только за 2000-2012 годы из России было вывезено в США 800 млрд. долларов государственными структурами (вложены режимом в долговые расписки США) и 2500 млрд. долларов частными компрадорами (вложены в разные инструменты фиктивного капитала без приобретения материальных ресурсов). В силу этого финансовая аристократия получила огромные ресурсы. Получив Россию как свою базу, она смогла нанести контрудары новым поднимающимся классам, прежде всего корпоратократии, и задержать процесс постиндустриального перехода, задержать техническое развитие.

В США это привело к очень сильному кризису, потому что финансовая аристократия смогла добиться расширения своей социальной базы, то есть паразитических классов. Корпоратократия оказалась в условиях, когда она вынуждена уже бороться против американского государства. Процедуры власти там таковы, что они опираются только на широкую социальную базу. А широкая социальная база создана именно реакционными классами, то есть финансовой аристократией, в своих интересах. Сформированы реакционные классы (веллфер-класс и прочие классы), которые живут за счет бюджета, за счет процесса финансового перераспределения от работающего человека к иждивенцу (в нормальном обществе), или паразиту (в современном обществе).

Для корпоратократии очевидной проблемой является то, что сложилась достаточно широкая база паразитических классов, и сложилась она, прежде всего, за счет России, за счет выбора России, за счет того что Россия решила бросить все свои ресурсы на чашу весов мировой реакции, на чашу весов уходящего класса, и тем задержать постиндустриальный переход.

Мировая корпоратократия не испытывает большой благодарности к России, русской элите и русскому народу, которые сделали в 1991-93 годах такой выбор. Если бы коалиция с мировой корпоратократией, к которой вел Горбачев, состоялась, то глобальный процесс постиндустриального перехода вполне мог бы произойти мирно. Процесс был возможен на основе классового компромисса, классового сотрудничества и постепенного перехода власти от корпоратократии к новым классам, к новым формам организации корпоративного общества, сетевого общества и т.д. Все это было погублено именно вот этим решением ельциноидов бросить всю мощь накопленных СССР ресурсов на поддержку мировой финансовой аристократии.

В результате этого предательства корпоратократия к России не расположена. **Справедливо считая Россию основной базой реакции, на сегодняшний день корпоратократия заинтересована эту базу уничтожить.** Происходит это не от нелюбви к русскому народу, как врут нанятые для запутывания сути вопроса кургиняны, но от понимания, что без уничтожения России - ресурсной базы финансовой аристократии - сегодня невозможна окончательная победа корпоратократии как господствующего класса в глобальном масштабе, и даже в масштабе только Запада. Финансовая аристократия - это класс глобальный, и он сегодня опирается на Россию в такой же степени, как корпоратократия на Китай.

Деклассирование индустриальных классов

Сегодня мы наблюдаем развертывание процесса силового сноса тех государств, которые основаны на старых финансовых технологиях, на господстве финансовой аристократии и её социальной опоры - деклассированных элементов постиндустриального общества, которые возникли в результате деградации классов индустриального общества.

Какие это элементы?

Прежде все это - деклассированная бюрократия. В индустриальном обществе бюрократия занималась процессами управления, перераспределением финансовых потоков. **Деклассирование бюрократии произошло, когда исчезла цель управления.**

У бюрократии в индустриальном обществе была ясная функция – она обеспечивала процесс формирования массовой ответственной и квалифицированной рабочей силы. Она менеджировала социальные процессы, которые эту рабочую силу создавали: образование, социальное обеспечение, забота о здоровье, профилактика, культурное развитие и так далее. Бюрократия знала, что ей делать, она была прогрессивным классом.

Но в мире автоматизированных (а теперь уже наступает эпоха автоматических) производств **нет потребности в массовой ответственной и квалифицированной рабочей силе.** В результате бюрократия деклассируется, она не имеет цели деятельности, она не знает, для чего пользоваться рычагами управления.

Бюрократы привыкли организовывать образование в конкретных целях. Но теперь эти цели объективно не нужны, а других целей нет, потому что индустриальная система образования вообще не нужна новому обществу. Что же делает бюрократия? Она справедливо относится к делу, которым занимается, как к бессмыслице. Бюрократы видят, что единственная осмысленная деятельность - это распил.

Раньше распил был сопутствующим процессом. В Советском Союзе распил тоже был, но он не мешал нормально управлять, потому что были нормальные ориентиры. Когда нет нормальных ориентиров, нет нормальных классов – остается только распил. Всех это возмущает. Но надо не возмущаться, а осознать, что распил - не нравственно, а объективно экономически обусловленная деятельность. И

размах этой деятельности нарастает не только в России, но и во всех странах, где идёт процесс деклассирования

То же самое происходит с рабочим классом. Рабочий класс не нужен в мире, где все производится автоматами, а конкретным людям нужны какие-то источники дохода. Они вынуждены работать на устаревших заводах. Поскольку эти заводы не конкурентоспособны, рабочие требуют их дотировать, для того, чтобы им платили зарплату. Рабочие таким образом превратились в бюджетников. В результате мы получили еще один чисто паразитический класс.

То же самое происходит с интеллигенцией, то есть с бюджетными работниками, которые осуществляли процессы формирования рабочей силы в индустриальном обществе. Они тоже деклассировались. Если учитель полвека назад выполнял ясную и конкретную миссию превращения оболтуса в сознательного и производительного человека, то теперь от образования требуют чтобы оно формировало квалифицированных потребителей. А для этого ничему не надо учить, ученик и так потребитель.

Становится всё менее понятно, зачем существует эта система школьного образования. Происходит деклассирование тех людей, которые в ней работают. Они осознают (кто-то больше, кто-то меньше) ненужность того, чем они занимаются. Но они понимают, что им нужна эта имитация, чтобы им платили какие-то деньги. Поэтому они всеми силами поддерживают тех, кто им эти деньги сейчас платит, то есть сидит на бюджете.

Если придет кто-то, кто мыслит здраво, работников выродившейся системы советского образования просто посадят на пособие по безработице. Оно может быть в том же размере, что и нынешняя зарплата, только не надо изображать что вы учитель - реально вы никому не нужны. То, что вы делаете, не приносит пользы, не приносит новой стоимости, приносит только вред. Объективно деятельность современного учителя приносит отрицательную стоимость, потому что ребенок из нынешней школы выходит хуже, чем если бы школы никакой у него вообще не было.

Врач-бюджетник также не приносит пользы. Он приносит только вред. Это не связано с его личными или профессиональными качествами. Это – следствие тех социальных условий, в которые работник бюджетной медицины поставлен.

Нормальная медицина организована помимо бюджетной. Там лечат. Бюджетная медицина только пожирает ресурсы и уничтожает здоровье нации. Врач-бюджетник, вне зависимости от индивидуальной квалификации – это деклассированный элемент. Вне системы он мог бы приносить несомненную пользу, то есть производить новую стоимость в форме роста жизненной и творческой способности пациентов. Но в рамках системы он **вынужден** выполнять процедуры по вымогательству у жертвы системы последних денег и её уничтожению исполнением методики, запрещающей одновременно лечить более одной болезни.

Сегодня все эти деклассированные, люмпенизированные элементы объединены в паразитический класс, возглавляемый финансовой аристократией. Это и есть силы современной реакции. Реакции организованной, активной и крайне агрессивной, ищущей своё утраченное место в новой жизни. Как выражается вождь люмпен-интеллигенции С.Е.Кургинян, «дайте нам метафизический смысл жизни». Но **исчезновение смысла и ощущения полноты жизни у люмпен-интеллигенции есть следствие объективного факта люмпенизации** вследствие изменения структуры экономики и общества.

Исторический оптимизм есть свойство прогрессивных производящих классов, создающих новую стоимость, а не борющихся за бюджетные подачки паразитов. Для каждого **конкретного человека** вполне **возможен переход** из люмпенского деклассированного состояния в класс постиндустриальных производителей, но у желания сохранить своё люмпенское состояние и при этом обрести смысл существования будущего нет. Кургинян может некоторое время поддерживать эту иллюзию у своих адептов, предлагая интегрировать имитацию осмысленной в прошлом веке деятельности в имитацию осмысленного в прошлом веке социалистического общества, но этот путь обречён, так как неизбежно сокращается его ресурсная база – бюджетная форма эксплуатации новых производящих классов в пользу люмпенов.

Прогрессивные силы ищут и не находят возможность договориться с люмпенами об их мирной трансформации в класс консьюмерата. Проблема здесь заключается в конфигурации классового союза финансовая аристократия+люмпенбюрократия+люмпенпаразит, лежащего в основе глобальной мировой реакции. Идеологией реакции является концепция извращённой демократии (охлократии), согласно которой распоряжение имуществом и финансовыми средствами производящих классов должно осуществляться решениями большинства и избранных им представителей. Поскольку люмпены и составляют такое большинство, они избирают выразителей своих интересов в состав государственной власти, которая осуществляет экспроприацию продукта труда производящих классов постиндустриального общества (постиндустриального производителя, нетократии и частично корпоратократии) для последующего распределения между собой.

Таким образом, вместо класса иждивенцев (**праздного класса**), который **объективно необходим** постиндустриальной экономике, и который производящие классы обеспечивали бы необходимыми для полноценной жизни ресурсами, в реакционном государстве существует и правит бал паразитический класс, который не только живёт за счёт производителей, но и регулирует производственную деятельность.

Это регулирование игнорирует объективные интересы производителей и фактически сложившиеся на базе современных производительных сил прогрессивные производственные отношения. Возникает неизбежное противоречие

между характером производительных сил, экономическим базисом общества, и политической надстройкой. В результате этого противоречия фактическое производство новой стоимости составляет сегодня лишь 3-20% от допускаемого существующим уровнем развития производительных сил.

Существует ли возможность мирной трансформации паразитических классов в консьюмериат и исключения их удушающего влияния на производительные силы? Теоретически существует.

Например, если бы РФ была национальным государством, и там не было бы внешнего управления, существовала бы возможность договориться между представителями постиндустриальных и паразитических классов о переходе к новым инструментам управления. Это привело бы к превращению класса паразитического в класс иждивенческий, то есть в класс, не оказывающий негативного влияния.

Иждивенцы отличаются от паразитов тем, что потребляют ресурсы, но **не оказывают негативного внимания на производственные процессы**. В результате их деятельности в обществе не создается отрицательная стоимость. Паразитические классы не только потребляют ресурсы, но и производят отрицательную стоимость по экономике в целом. Это на сегодня относится и к бюрократии, и к заводам, и к

люмпен-учителям, и к врачам-бюджетникам, и прочим деклассированным элементам электората.

Процесс исключения паразитов из процессов регулирования экономики в течение 3-5 лет привёл бы к росту ВВП страны в 4-8 раз только на существующей технологической базе. Реально в России производит добавленную стоимость сейчас 3-4% населения, то есть на 1 работающего приходится 25-35 потребителей всех видов дотаций. Это не является проблемой. 2%-10% производящего класса при 90%-98% иждивенцев есть норма для постиндустриальной экономики. В других странах дело сегодня обстоит также. Статистика не полностью отражает этот факт лишь потому, что пользуется устаревшими с прошлого века агрегатами (например, включает в число производителей работников дотационных производств), и поэтому даёт ошибочную цифру, что 10% в России занимается производительной деятельностью.

Исключение влияния паразитов на регулирование экономики (то есть введение правила, что активным избирательным правом обладают лишь лица, вносящие в бюджет больше денег, чем получают оттуда дотаций) можно было бы обусловить обязательством производящих классов обеспечить иждивенцам существующий ныне уровень обеспечения благами с дальнейшим ростом. Как показал эксперимент, проведённый корпоратократией в одной из самых нищих, коррумпированных и малообразованных стран СНГ – Грузии – только изменение налоговой политики и ликвидация органов бюрократического экономического регулирования привело к росту бюджетных доходов в первый же год в 3 раза вместо планировавшегося роста на 20%. В течение нескольких лет объём средств, который направлялся на обеспечение иждивенцев, вырос в несколько раз, как и уровень их жизни. Всё это имело место на фоне далеко не самого интеллектуального состава правительства, устраивавшего провал за провалом во внешней и внутренней политике, но зато отстранённого от вмешательства в экономику.

При введении в масштабах России подобных (а желательно - более продуманных и эффективных) мер, можно было бы рассчитывать на рост ВВП в 8 раз за 5 лет, рост отчислений в бюджет на содержание люмпенских классов и распил их самыми уважаемыми, авторитетными и выдающимися представителями люмпенов - в 5-6 раз.

Почему у производительных классов на сегодняшний день в России не получается договориться с властью? Потому что власть целиком завязана на свою деятельность по поддержанию мировой финансовой аристократии, по продаже ресурсов России за эмитируемые глобальными финансовыми властями валюты и, таким образом,

обеспечение их эмиссии. Если бы в России изменилась эта ситуация, классовое сотрудничество стало бы возможно.

Какова вероятность такого сотрудничества?

Основу Российского режима составляют два клана-класса: клан силовиков и клан чистых компрадоров. Это - общепринятая, но не совсем правильная классификация, потому что внутри кланов есть еще достаточно замкнутые и серьезные консорции со своими интересами. В реальности этих независимых кланов больше. Упрощённая схема генезиса утверждает, что силовики восходят к личному составу второго Главного Управления КГБ, а компрадоры – Первого. На самом деле генезис восходит к более широким коалициям, но такое приближение в некоторой степени применимо для первого приближения при изложении ситуации для широкой публики.

В силу такого генезиса есть противоречия между конкурирующими группировками. Между ними существует очень серьезная конкуренция. С другой стороны, оба правящих клана-класса в равной мере завязаны на процессы обеспечения мировой финансовой аристократии ресурсами. Поэтому и те и другие неизбежно оказываются в противостоянии с корпоратократией.

Вполне вероятно, что какие-то из этих кланов сделают ставку на корпоратократию, обопрутся на ее ресурсы и начнут переформатирование режима в России, чтобы вытащить её из под подчинения финансовой аристократии. Это - первый возможный вариант. Ещё вероятнее второй вариант: они все будут и дальше плыть по течению, останутся на позициях финансовой аристократии, и их будут мочить, мочить, мочить и мочить.

Переформатирование мира корпоратократией

Мы видим, что суть кризиса современной социальной структуры в том, что паразиты мешают производить новую стоимость. Это происходит в глобальном масштабе. Сегодня корпоратократия, нетократия, а также и постиндустриальные производители, которые себя не осознают, но что-то ищут, оказываются в глубочайшем классовом

противоречии с паразитическими классами. Уровень **классового самосознания** пока что не позволяет оценить суть этих противоречий, что делает классовую борьбу неосознанной, яростной, стратегически непродуманной.

Это происходит во всех странах. Постсоциальные государства, опирающиеся на паразитические классы, которые окажутся неспособны на плановую трансформацию в постиндустриальные формы, неизбежно будут уничтожаться. Если невозможны трансформации вследствие каких-то договоренностей, выплат каких-то компенсаций, каких-то переходных процессов, то их уничтожение будет происходить силовым методом.

Мы увидели, как корпоратократия с наступлением этого десятилетия, показала зубки. Показала, как она будет использовать те или иные силовые методы для сноса того или режима. Пока что мы увидели это на примере Туниса, Ливии, Египта, Сирии и т.д.

Почему был выбран арабский мир? Потому что уровень коррупции и уровень подчиненности этих стран финансовой аристократии запредельный. Фактически, эти страны полностью лежали под финансовой аристократией, надо было вышибать из-под неё эту ресурсную базу. Типичный пример – Каддафи, который умудрился 12-15 лет назад договориться с финансовой аристократией на «русских» условиях. То есть о том, что все ресурсы Ливии будут продаваться за эмитируемую глобальными финансовыми властями валюту и будут обеспечением этой валюты. Он честно отработал свой «Вашингтонский консенсус» - и получил заслуженное. Как выяснилось, финансовая аристократия его защитить не может.

Мы видим развёртывание войны в Сирии. Те арабские режимы, которые аффилированы с корпоратократией, ведут активную борьбу против ливийского режима. Финансовая аристократия не способна оказать этому режиму активной помощи и бросает в топку расходный материал – русских компраторов.

Непосредственно на саму финансовую аристократию сирийский режим не был завязан. Он был завязан больше на торгово-финансовые круги, а уже через них – опосредованно - на финансовую аристократию. Финансовая аристократия довольно вяло поддерживает сирийский режим, в основном эту поддержку повесили на

страну, которую не жалко. На сегодня единственный, кто поддерживает Сирию - Россия.

Сирия сегодня - просто полигон для отработки технологий расшатывания ситуации в странах, которые управляются по-старому, то есть через деньги. В России, где нет других инструментов управления не только в государстве, но и в обществе, очень легко раскачать ситуацию. А ведь на сегодня против России играет не только корпоратократия. Против России складывается коалиция всех сил, которые заинтересованы в скорейшем ослаблении и поражении финансовой аристократии и снятии тех тормозов, которые есть для мирового постиндустриального развития.

Россия в своем сегодняшнем виде лежит на пути постиндустриального развития как тормоз, огромная колода, большая скала. Финансовая аристократия оперлась на неё, и только вместе с этой скалой финансистов можно сдвинуть. Поэтому и возникает желание такую скалу взорвать. Для этого сегодня используется инструментарий исламского фундаментализма.

Парадокс в том, что обе враждебные силы используют одни и те же социальные институты как свой инструментарий. Финансовая аристократия с одной стороны развивает паразитизм в обществе, а с другой стороны - нагоняет большое количество гастарбайтеров, чтобы этот культурно чуждый элемент разлагал общество и не давал ему консолидироваться против финансовой аристократии и компрадоров, которые ей служат. С другой стороны, корпоратократия использует тот же чуждый элемент для формирования внутри него силовых консорциев, которые могли бы фундаментально дестабилизировать обстановку, дестабилизировать государство. Например, в рамках мусульманских диаспор в Москве, которые вроде бы являются опорой режима, уже формируется огромное количество силовых групп, которые так или иначе будут заниматься дестабилизацией.

У них несколько иная функция, чем у силовых групп, которые формировались в 90-е годы, и которые формировали нынешний режим. Эти группы, кавказцы прежде всего, имели целью контроль, перехват контроля над торговыми ресурсами, финансовыми потоками. Чтобы контролировать эти потоки, чтобы эти потоки в глобальном плане превращать в обеспечение доллара.

Перед новыми группами встает задача только дестабилизации государства, его ликвидации. Перед ними стоит задача ликвидации системы, которая превращает ресурсы России в базу мировой финансовой аристократии. Для этого сейчас

формируются партизанские группы, они потихоньку вступают в действие, нащупывают друг друга, формируют коалиции.

Сегодняшняя Россия в контексте переформатирования мира

Ситуация в России подчиняется всем общим закономерностям постиндустриального перехода. Трудно говорить о каком-то отставании в этом переходе, хотя процессы, характерные для стран постиндустриального ядра, сочетаются в странах СНГ с процессами, характерными для зоны периферии. Некоторой спецификой можно считать опережающий по сравнению с остальным миром, катастрофический обвал социального государства в 1992-1996 годах, но в дальнейшем мы видим общий тренд деградации. Принадлежность к периферии определяется также компрадорским характером как правящей бюрократии, так и обуржуазившейся бюрократии. Признаком периферии является отставание в становлении класса постиндустриальных производителей, хотя потенциал его становления сближает Россию со странами ядра (под Россией здесь понимается, конечно, не Полуроссия-РФ, а Русский эгрегор вообще).

Особенностью России является ориентация экономики на эксплуатацию природных ресурсов. После того, как в 1994 году организованная Болдыревым, Соколовым и Кармоковым патриотическая коалиция законодательно заблокировала передачу нефтегазовых месторождений в руки иностранных компаний, появилась возможность частичного изъятия в бюджет нефтегазовой ренты, что было реализовано в 2000-2003 годах. С тех пор эта часть нефтегазовой ренты является основным источником жизненных ресурсов паразитических классов, что делает возможным их **мирное сосуществование и классовое сотрудничество** с постиндустриальными классами, так как создаёт им альтернативу попыткам ограбления производительных классов и влекомого ими антагонизма.

С другой стороны, ситуация в РФ характеризуется сегодня резким всплеском социальных противоречий, вызванных **политическими ошибками** действующей власти, неспособной увидеть реальный классовый расклад в обществе. Эти социальные противоречия активно используются глобальной корпоратократией в

целях ускорения распада государства и осложнения условий перехода русского эгрегора от национально-государственной к метакорпоративной организации, а в программе максимум — к срыву этого перехода с последующим исчезновением русского эгрегора в следующем поколении за счёт ассимиляции и частичного

истребления.

Анализ тенденций (схлопывание контролируемой ресурсной базы) показывает высокую вероятность исчезновения РФ как территориального государства классического (вестфальского) типа к 2017-2020 году. В силу этого вопрос эгрегориального перехода остро стоит для русских уже в текущем десятилетии.

Опыт выживания русских после краха феодальной государственности в 1917 году показывает, что **единственным условием выживания нации оказалась опора на прогрессивный исторический класс** (интернациональный, кстати, по существу, но национально укоренённый). При этом класс этот к 1917 году существовал лишь в зачатке, да и то лишь в столицах, на Донбассе и Урале. При этом до 40% численности данного класса составляли этнические китайцы и другие инородцы, что не помешало классу в целом сыграть государствообразующую роль, с последующей эволюцией государства в 30-е-40-е годы из пролетарского государства в национальное.

Надо отметить, что образование на развалинах Российской Империи государства индустриальных производителей с опорой на только формирующийся прогрессивный класс, рассматривалась мировым политическим истеблишментом как не очень внятная авантюра. Идеолог процесса, В.И. Ленин, поставил задачу формирования и воспитания этого класса партией-орденом, которая, впрочем, воспитанием класса занималась и в предыдущее десятилетие. При внешней авантюристности такой стратегии она увенчалась успехом в силу отсутствия внешних угроз в 1923-1935 годах, что дало время для становления класса и начала индустриализации, и в силу внешней помощи в индустриализации.

Двигателем процесса становления нового, индустриального, государства была бюрократия, организованная в партию-орден глобалистской ориентации. Окончательное оформление государства, однако, состоялось лишь в 1935-1939 годах, а превращение его в национальное индустриальное государство русских — в 1942-48 годах с последующим переходом к модели социального государства.

При всей авантюристности этого проекта, он оказался **единственным возможным** способом выживания русских в условиях закономерного распада имперского государства в феврале 1917 года.

Сегодня мы видим полное повторение ситуации столетней давности на новом, более высоком уровне. Историческая закономерность влечёт буржуазно-демократическое государство РФ к неизбежному краху в условиях смены исторических формаций. Формой **разложения** этого государства является заговор части элит в союзе с мировой корпоратократией против автократической части элит, как это было и в 1917 году, когда заговор высшего генералитета и феодальной верхушки в союзе с мировой финансовой олигархией привёл к ликвидации и распаду Российской Империи. Выпуск фальшивого манифеста об отречении пленённого генералитетом и высшими сановниками Империи дискредитированного Императора был лишь оформлением краха.

Основной вопрос конструирования будущего сегодня состоит в том, чтобы, не дожидаясь краха государства, осуществить **формирование и воспитание прогрессивного исторического класса** постиндустриальных производителей, который смог бы взять на себя миссию формирования постгосударственной формы существования Русского эгрегора к моменту, когда историческое развитие лицом к лицу поставит русских перед этим вызовом. Не может идти речи о том, чтобы дожидаться естественного становления этого класса, который сегодня находится лишь в зачаточном состоянии, поскольку естественные временные рамки этого процесса выходят за рамки существования традиционной государственности, так что его «естественное» становление рискует завершиться уже в рамках других эгрегоров после исчезновения русского.

ЛЕКЦИЯ 3: БИЗНЕС ЭПОХИ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Реиндустриализация

Предыдущие лекции мы говорили о вопросах глобальных – социальных изменениях, геополитике и судьбах народов. При всей важности этой тематики хочется всё же понять, какие конкретные рекомендации, касающиеся выбора стратегии бизнеса, следуют из обсуждённых нами тенденций? Какой бизнес представляется на современном этапе наиболее перспективным, ЧТО сейчас происходит в мировой экономике? На какие процессы надо садиться, и в каких процессах вы сможете достигнуть максимального успеха?

Когда я писал 12 лет назад курс «Бизнес» для ШЭЛ, я делал там экскурсии в разного рода реинжиниринги и прочие моменты технической цивилизации, много говорил об автоматизации производства. Но на практике, когда речь заходила **в прошлое двенадцатилетие** о том, какими бизнесами заниматься, я всё время говорил о том, что надо действовать в сфере информационных технологий. Информационный бизнес, клубный бизнес, бизнес, связанный с гуманитарными моментами, public relations был в заканчивающуюся сегодня эпоху наиболее эффективен, наиболее перспективен, наиболее влиятелен и прибылен. Я говорил именно это до недавнего времени, потому что эта эпоха заканчивается только сейчас. Именно сегодня мы, наконец, вступаем в момент, когда начинают реализовываться те магистральные направления, о которых я, намечая, говорил когда-то в курсе «Бизнес». Тогда они ещё были очевидным будущим, но будущим. Сегодня они стали настоящим.

Что представляет собой новый этап развития постиндустриальной экономики? Для его обозначения в последнее время сложился такой термин - **реиндустриализация**. Термин не совсем верный, потому что он внутренне противоречивый по форме: экономика-то сегодня постиндустриальная, мы перешли в какую-то форму

экономики, которая «после индустрии», и вдруг сейчас мы говорим, что мы будем снова заниматься строительством индустрии. Что это такое? Индустрия после индустрии? Что-то типа жизни после смерти? Или секс после смерти, как называли когда-то переговоры об объединении «Яблока» и СПС? Терминология не очень хороша, но пока что другой нет.

Что же называется реиндустриализацией?

Раньше индустрия строилась на парадигме именно индустриальной. Это - парадигма механизации производства, и частичная автоматизация производства. Промышленный объект, промышленное производство - это совокупность людей, которые с помощью машин, осуществляют производство товаров. Человек занимался в производственных процессах осуществлением **оперативного управления**.

Это - главный признак индустриальной фазы в промышленности. Оператор, рабочий занимался оперативным управлением техникой, **оперативным сопровождением производственного процесса**. Поэтому людей надо было очень много, они **непосредственно** участвовали в процессе тиражирования - это и была суть индустриальной парадигмы.

Постиндустриальная парадигма производства заключается в том, что человек исключён из процесса оперативного сопровождения производства. Он занимается только стратегическим управлением и обслуживанием производства. Это и называется «постиндустриальная парадигма индустрии».

Впервые это всё возникло ещё в прошлом веке. Нельзя сказать, что только сейчас мы подошли к технической возможности реализации этого. Впервые гибкие производственные системы (ГПС) появились уже в 80-е годы. Лидером в этом направлении были тогда три города: Ленинград, Токио и Осака. Они вышли на первые тогда позиции в создании ГПС. Техническая возможность для так называемой реиндустриализации была создана тогда.

Но это - техническая возможность. Как оказалось, человечество было к этому не готово в социальном плане, в плане общественных процессов, в плане структуры общества. Общество оказалось не готово принять автоматизированную индустрию. В каких-то уголках, где это можно было сделать, либо там, где для этого создавались какие-то опытные площадки, либо там, где общество настолько разваливалось, что там можно было делать всё, что хочешь - в таких местах стали возникать такие экспериментальные очаги, где работали эти гибкие производственные системы. Опыт работы был достаточно большой, я на него опирался - если вы помните- 10-12 лет назад, когда рассказывал о работе ГПС.

Например, эта ГПС производит в минуту 100 пакетов рассчитанных на 125 г продукта.

<http://www.upakovano.ru>

Реальные общественные условия для того, чтобы этот процесс с опорой на новую технику пошёл, сложились только сейчас, и сложились только в одной стране: стране-лидере мирового постиндустриального развития, Соединённых Штатах. Чтобы в массовом порядке могла действовать эта новая парадигма индустрии, чтобы на новых основаниях формировались бы новые производственные комплексы, старая индустрия должна была быть полностью разрушена, устранена как конкурент.

Техническая возможность перехода появилась 30 лет назад, но все эти 30 лет довлеющая масса старой индустрии с её парадигмой, с её взглядом на вещи, с её

инерцией не давала выстроить индустрию новую. Я уже молчу о факторах, связанных с кризисом индустриализма, формированием паразитических классов и паразитического общественного строя.

30-летний процесс, когда старая индустрия не может удовлетворять в нужной степени потребности общества, а новой индустрии не дают прорваться - это и был процесс **загнивания индустриального общества**. Благодаря тому, что реакционные классы получили огромные ресурсы в качестве подарка от постсоветской номенклатуры, они смогли так долго длить этот процесс гниения.

Тем не менее, на сегодняшний день старая индустрия в Соединённых Штатах умерла. Экономика США открытая, и поэтому, несмотря на все протекционистские меры, она не может конкурировать с китайской промышленностью, которая сознательно создавалась мировой корпоратократией как могильщик старой американской индустрии.

Сейчас площадка расчищена, и формируется всё более и более подходящее для реиндустриализации законодательство. Рынок предъявляет спрос на продукцию реиндустриализации. Продукция в новой парадигме созданных производств оказывается существенно дешевле, существенно качественнее и - что важно – это продукция качественно нового уровня. Сейчас мы стоим на пороге перехода к этой современной парадигме производства.

Реиндустриальное соревнование

Мы увидим в ближайшие 12 лет реиндустриализацию Соединённых Штатов. Что это означает? Мы увидим строительство с нуля абсолютно новой промышленности, полностью автоматизированной и очень высокопроизводительной. В течение ближайших 12 лет она просто вытеснит с американского рынка внешних конкурентов. Китайцы, японцы и европейцы будут всё больше и больше проигрывать в конкурентной борьбе, поскольку они будут на несколько лет отставать от Соединённых Штатов в процессе строительства индустрии на новых основаниях.

Это будет выглядеть примерно так же, как 12 лет назад выглядели последствия превосходства американцев в информационных технологиях. В конце XX века американцы сделали огромный рывок в информационных технологиях, прежде всего - в технологиях продаж за счёт грамотного использования Интернета. Производительность труда в сфере продаж превышала европейскую в разы. Поэтому, когда в 2000-х годах ввели евро, он очень быстро упал. За евро тогда

давали 80 американских центов. Я тогда писал, что по паритету покупательной способности доллар переоценён примерно вдвое и предсказывал, что как только европейцы догонят американцев по технологиям продаж, евро будет стоить не 80 центов, а 160.

В последующие 7-8 лет европейцы изо всех сил догоняли американцев именно в сфере продаж. Догнали. И мы действительно увидели 160 центов за евро на пике этого процесса. Дальше пошла конкуренция по другим направлениям, другие факторы стали оказывать влияние на курс. Но в первом десятилетии XXI века главным фундаментальным процессом, который стоял за рынком, и о котором я говорил в 99-м году, был этот процесс ликвидации разрыва в технологиях продаж.

Сейчас мы находимся в начале нового рывка, и опять Соединённые Штаты в лучшем положении потому, что они в значительной степени устранили старую промышленность и её лобби. Они могут начать процесс реиндустриализации.

Этот процесс начинается. Я не говорю «начнётся» - он уже начинается сегодня, он имеет место. Сейчас в Соединённых Штатах начинается бум новых индустриальных производств. Производить, производить и производить - это будет магистралом развития Соединённых Штатов в предстоящее десятилетие.

Кто может составить по своему характеру экономики сейчас конкуренцию Соединённым Штатам? Может составить Сингапур, может составить Гонконг, где ещё лучшие условия для реиндустриализации. Но поскольку несравнимы масштабы США и обоих этих городов - в Америке таких городов пруд пруди - их лучше рассматривать как некие филиалы американской экономики в Азии, а не как самостоятельных конкурентов.

У всех остальных стран такой возможности быстро осуществить реиндустриализацию нет. У японцев, у России, у европейцев висит на шее одинаковый груз в виде паразитического государства, паразитических общественных слоёв и заточенных под их интересы процедур формирования власти. Вторая проблема - наличие старой индустрии, которая имеет своих лоббистов и которая через государственный механизм изо всех сил препятствует прогрессу. Но «изо всех сил» не значит, что она может тотально препятствовать. Если кто-то захочет заниматься реиндустриализацией в России, например, или в Европе, он вполне может построить современное автоматизированное производство, вписать его в общество, продавать продукт. Многие уже это делают. Это не так просто как в Америке, но ведь вообще делать бизнес в этих странах не так просто, как в Америке. Поэтому назвать эти препятствия непреодолимыми не представляется возможным.

Тем не менее, лоббистские группы есть, и они стоят на пути прогресса. В России эту роль играет сегодня ВПК. Вы знаете, что 20 лет назад я не только называл ВПК самой прогрессивной силой в России, базой русской технократии. Я активно лоббировал в то время интересы ВПК. Но с тех пор исторические условия изменились, и сегодня ВПК России превратился в лобби интересов старой, умирающей промышленности.

Это порождает крайнюю противоречивость позиций ВПК. С одной стороны, верхушка этого клана и сам Рогозин очень хорошо понимают необходимость технических инноваций, необходимость создания новой техники, необходимость продвижения новой техники, необходимость создания новых вооружений. Но они не понимают (искреннее понимают, искренне, а не только потому, что за этим стоят определённые интересы), что для производства этой новой техники нужна совершенно другая промышленность, совершенно другой инструмент. Они надеются решить задачу тем инструментом, который у них сегодня есть - ВПК образца прошлого века, инструментом индустриальной цивилизации. «В конце концов, выпускали же при Туполеве хорошие самолёты. Может, и сейчас наштамбуем». Это - глубочайшее заблуждение. Оно лежит в основе того краха, который ожидает так называемую «Программу перевооружения».

Мы находимся в ситуации, когда **самым перспективным направлением является организация товарного производства на новой, постиндустриальной базе** - на базе современных гибких технологий, ГПС и более современных инструментов. Сегодня важна возможность производства мелкими сериями, потому что оборудование очень легко настраивается на специфические требования клиентов и затачивается под их интересы. Тюнинг автомобиля уже сегодня можно проводить в процессе его заказа. Это - сегодняшний уровень, в дальнейшем будет выбор из на порядок большего количества опций, и вплоть до того, что можно будет принимать участие в проектировании.

Процесс привлечения клиента к проектированию автомобиля лидеры постиндустриального автопрома давно ввели. Под лидерами я имею в виду Porsche, конечно. Когда вы там заказываете автомобиль, вы можете поменять форму корпуса в очень широких пределах, можете поменять любые характеристики двигателя, да и что угодно. Я не большой специалист в автомобилизме, поэтому мне такие тонкости мало интересны, но есть люди, которые это всё себе заказывают. Этим пользуются разного рода самодуры, которые себе заказывают машину под цвет лака для ногтей. Это в ближайшем будущем будет возможно в любой области.

Первый гоночный автомобиль, напечатанный на 3d принтере развил скорость 140 км/час.
Набор скорости от 0 до 100 км/час — за 4 секунды.

Теперь главные деньги будут делаться в сфере производства товара, для которого материальная часть не так важна, как его идейная часть. Бизнес в сфере этого материального, высокотехнологического производства - это магистрал сегодняшнего технического прогресса и сегодняшнего экономического прогресса.

Инженерное образование в эпоху реиндустриализации

Как добиться успеха в сегодняшней реальности? Для того поколения, которое вступает в жизнь в ближайшее десятилетие, которому сейчас 12-20 важно иметь инженерное образование. Без него они обречены на периферию общественной жизни. Наступает время людей с инженерным образованием.

Что я подразумеваю под инженерным образованием? Разумеется не то, что подразумевалось под инженерным образованием в СССР. Советский инженер был предметом анекдотов по одной простой причине: инженерами в Советском Союзе называли не инженеров как таковых, а продвинутых техников, технических работников, ИТР, людей, которые занимались оперативным сопровождением производственного процесса. Если от советских классификаций перейти к социологическим, они представляли собой верхушку рабочего класса, верхушку наиболее квалифицированную, но не более того.

Это были наиболее высококвалифицированные рабочие, авангард рабочего класса

на тот момент. Если бы процесс постиндустриализации шёл в СССР нормально, то этот авангард рабочего класса стал бы естественным авангардом перехода, возглавил бы переход к постиндустриалке. Но поскольку партаппарат КПСС со времён Хрущёва сделал ставку не на авангард, а на арьергард рабочего класса, этот слой оказался в оппозиции режиму. А когда постиндустриальный переход был сорван действиями ельцинско-партийной мафии, этот слой был просто списан в говно, и на этом вопрос закончился.

Назвать этот слой инженерами достаточно сложно, потому что инженер - это творческая деятельность. Инженер - человек, который занимается проектированием, материализацией идеи. Есть некая идея. Инженер её детализирует, формирует процесс её вписывания в материальную реальность.

Реальное число инженеров всегда было невелико. Инженеров как таковых в советское время было, максимум вдвое больше, чем в 13-м году в Российской Империи. Что же касается всех остальных господ с дипломами инженера, то это было примерно то же, что сейчас господа с дипломом юриста, дипломом экономиста и прочими справками онанистов.

Когда я говорю о важности инженерного образования, я говорю о **на самом деле** инженерном образовании. Об образовании, которое даёт способность формировать, разрабатывать и реализовывать технологические процессы. Любой успешный, высокоприбыльный бизнес в предстоящее десятилетие будет связан с реализацией технологического процесса. Тот, кто умеет проектировать и реализовывать технологический процесс и будет главным специалистом этого общества.

Чтобы налаживать бизнес-процессы в такой экономике, нужно очень хорошо понимать те технологические процессы, которые лежат под этими бизнес-процессами. Социальное проектирование в этом обществе окажется неразрывным с инженерным проектированием.

Последние 12 лет XX века мы жили в эпоху монетаризма. Чтобы проектировать социальные процессы, нужно было разбираться в сути финансовых процессов. Первые 12 лет XXI века мы жили в эпоху гуманитарных технологий. Чтобы проектировать социальные процессы, нужно было быть пиарщиком, нужно было разбираться в гуманитарных технологиях. В эпоху реиндустриализации и инжиниринга, чтобы проектировать социальные процессы, бизнес-процессы, какие угодно процессы, необходимо быть инженером. Необходимо понимать лежащие в основе современных производительных сил технологические процессы.

То, что я сейчас говорю, в самой большой степени важно и новому поколению, и тому, кто сейчас принимает решения за это новое поколение. Будущее - за

инженерным образованием и только за инженерным образованием.

Особенности бизнеса в эпоху реиндустриализации

В чём особенности нового бизнеса? Как бизнес формируется? С одной стороны, он сохраняет то основное свойство, которое есть у бизнеса постиндустриального вообще - ориентацию на клиента. Я здесь опять отошлю к базовому курсу бизнеса в ШЭЛ и курсу постиндустриализма, где я говорил об основных понятиях. Тогда они были чуть-чуть теоретичны, а сейчас они абсолютно практичны - время прошло. И время на них поработало.

Очень важно сегодня научиться переводить интересы, потребности, пожелания клиента в технологические процессы и в технологическую терминологию. Важнейшая профессия - это профессия такого постановщика задач, который способен будет обслуживать конкретного клиента, переводя его пожелания в реальные задания для производственных систем. Это потребует технического образования. Из этого следует, что все высококвалифицированные, а, значит, и высокооплачиваемые места в сфере обслуживания будут требовать инженерного образования.

До сегодняшнего дня мы жили в мире господства гуманитарных технологий. Мы жили в мире, которым в течение последних 12 лет правили пиарщики. Это было и сутью бизнеса. Я всё время говорил на своих семинарах «Бизнес - это пиар». Это была главная формула десятилетия.

Без пиара бизнес, конечно, не обойдётся и в будущие эпохи. Но ядро бизнеса сегодня смещается. Сегодня ядро бизнеса - это инжиниринг. Это - основная тенденция для бизнеса, которую мы должны понять и осознать. Только осознав её, мы сможем правильно формулировать для себя какие-то перспективы, задачи строительства будущего, строительства своего бизнеса.

Какой бизнес сегодня имеет наилучшую перспективу? Это становится кристально ясно из сказанного в предыдущих лекциях.

В силу глобальной дестабилизации чем дальше, тем в большей степени идёт нарастание силовой составляющей, силовых операций. Значит, придётся, так или иначе, использовать технику, которая осуществляет насилие.

Группа под названием Defense Distributed разрабатывает пластиковую гражданскую систему самообороны, Wiki Weapon.

Одна и та же техника может использоваться и для насилия, и для производства. С точки зрения технической, нет разницы между мотором для автомобиля и мотором для танка. Может быть, для танка нужна большая мощность, но это ещё смотря какой автомобиль и какой танк. С точки зрения техники, разницы между военной техникой и техникой гражданского применения нет. В Советском Союзе были понятия «техника двойного назначения», «производство двойного назначения», «технологии двойного назначения».

Технология двойного назначения - это некое производство, на котором сегодня ты штампуешь гражданскую продукцию, а завтра, после небольшой перенастройки,

штампуешь оружие. Я приведу сейчас, в качестве примера, очень маленький бизнес, который сделал мой питерский родственник, студент, молодой мальчик. Его мало интересуют какие-то геополитические моменты. Он ими никогда не интересовался, он интересовался возможностью подзаработать, как все ребята, выросшие в обществе, основанном на религии денег. Тем более, действительно у него есть объективная нехватка денег, свойственная для этого возраста при любой цивилизации.

Придумал он неплохой бизнес - аэрофотосъёмку. Они с другом собрали маленький БПЛА, на него приделали камеру, и по заказам разного рода клиентов стали осуществлять аэрофотосъёмку. Когда он у меня спросил «Где можно получить инвестиции на этот бизнес?», я ему сказал, что достаточно в Интернете просто опубликовать, что ты хочешь сделать такой бизнес - и инвестор появится. В действительности всё оказалось ещё проще - ему понадобилось лишь чуть-чуть потрепаться об этом бизнесе в институте, в котором он учится. Тут же кто-то из преподавателей, об этом услышавший, подогнал ему инвестора. Не понадобилось даже в Интернете рекламировать - и так пацанчика нашли.

Почему инвестиции появились как только об этом бизнесе заикнулись? Откуда они появились? Здесь не было ни правильной фандрайзинговой деятельности, ни нормального поиска инвестора - деньги пришли сами. Может, повезло? Но почему

же я изначально сказал, что «деньги придут раньше, чем ты думаешь» (а заодно предупредил, чтобы он был очень осторожен с этими инвесторами). Из каких я исходил соображений?

Технология аэрофотосъёмки - это технология двойного назначения. А всё, что связано с двойным назначением, в окружающем нас мире давно уже отслеживается какими-то заинтересованными силами. Подробнее о том, какими, мы поговорим дальше. Всякого, кто немножечко связан с техникой, из нынешней молодёжи, кто пытается делать бизнес в технической сфере, сегодня отслеживают, начиная чуть не с детского сада. Если пацанчик авиамоделизмом займётся в детском саду, значит, и там уже за ним будут присматривать, и содействовать каким-то образом его движению в этом направлении.

Это – реальность наступающей эпохи реиндустриализации и инжинирингового бизнеса. Если вы ступите на сферу деятельности связанную с новой техникой - и не просто с новой техникой, а с новой технической парадигмой - вы немедленно окажетесь в потоке, вы немедленно получите ветер в паруса.

10-12 лет назад 100-процентный ветер в паруса мгновенно получали все проекты, связанные с разного рода гуманитарными технологиями, пиар-технологиями. Фандрайзинг, который приносил в эти гуманитарные проекты 5-7 лет назад умопомрачительные финансовые потоки, сегодня приносит крохи. Потоки иссякают, превращаются в ручеек. Инвесторы стали крайне разборчивы в отношении PR-проектов. Они уже мало кого интересуют. Пиарщики уже спустились из первого ранга во второй слой, а на их место приходят в новом поколении те, у кого в руках техническое образование.

Мы должны это осознать для того, чтобы принимать сколь-нибудь внятные решения в бизнесе сегодня. Это - мейнстрим, магистрал, базовый процесс в экономике. Хороший бизнес - это тот бизнес, который будет связан с этим потоком, с этим мейнстримом, который в него впишется.

Организация реиндустриализации в СНГ

Всё это хорошо, но мы живём не в безвоздушном пространстве. И даже не в Америке живём. Как же в конкретных не слишком радостных условиях реализовывать бизнес, основанный на реинжиниринге? С чем мы столкнёмся?

Когда я говорил о противодействии, которое оказывает традиционная индустрия, я не имел в виду, что есть какие-то зондеркоманды, которые направляются на каждый новый реинжиниринговый бизнес и пытаются его пустить под откос. Это не так. У капитанов промышленности мозги так устроены, что они этих процессов не видят - они свои проблемы решают. Но решая свои проблемы, они вышибают себе бюджетные дотации и этим осложняют условия конкуренции для всех остальных. Они лоббируют тот налоговый и прочий режим, который выгоден умирающей промышленности и не выгоден промышленности, которая основана на безлюдных технологиях.

Как в этой ситуации действовать? С точки зрения политической, стратегической, нужно брать на себя процесс лоббирования. Как раньше монетаристы лоббировали свободные экономические зоны, так сейчас надо лоббировать зоны высокотехнологических производств. Но это - не уровень бизнеса. Это политический уровень. Этим может заниматься партия, если она в ближайшее время накачает достаточную мощь для такой лоббистской деятельности.

На уровне бизнеса нужно просто-напросто искать варианты, при которых ты вписываешь совершенно новый бизнес-процесс, основанный на новом технологическом процессе, в ту бизнес-среду, которая существует. Очень важно понять, что на такие вещи есть спрос. Если вы работаете в рамках каких-то технологий двойного назначения, то вы можете получить крышу тех, кто в этих технологиях заинтересован - тех или иных силовых структур.

Россия и Восточная Европа вообще - это такое место, где крыша силовых структур обозначает фактическую недостижимость для обычного гражданского законодательства. ЧЕМ вы занимаетесь, КАК вы занимаетесь - под защитой секретности, под защитой государственного интереса, под защитой постановления властного органа о специальном режиме деятельности вас никто не решится спросить.

Это первый путь. Эффективен он в Китае. Сейчас в Китае практически весь новый бизнес идёт по этому пути, потому что ему приходится бороться со старой индустрией. Причём, как со старой индустрией, действующей в рамках страны, - она сейчас уже вялая и особо ничего не лоббирует - так и со старой индустрией, которая сложилась в свободных экономических зонах на базах технологий начала XXI века, и не хочет сдавать свои позиции. С другой стороны, до верхушки китайского начальства начинает уже - особенно на уровне спецслужб - доходить, что эти ребята из свободных экономических зон с новой реиндустриализационной волной в Америке конкурировать не смогут, тем более в военно-технической области. Значит, нужно у

себя выращивать что-то более перспективное, надо крышевать этих ребят. В ближайшее время дело дойдёт до формирования для них сверхновых экономических зон с правовым режимом, заточенным под это. Точно так же, как в старых ОЭЗ правовой режим был заточен под индустриализацию.

В России с этим сложнее. В России и остальных странах СНГ, по сравнению с китайским руководством, очень низкий интеллектуальный уровень начальства. Настолько низкий, что вряд ли кто-нибудь из них вообще поймёт, о чём я сейчас говорю - это за пределами их менталитета. Надо всем довлеет неповоротливость аппарата и огромная коррупция, которая формирует эту абсолютную неповоротливость. Если даже начальство что-то решит, прикажет, и какую-то бумажку сделает, то всё равно к тебе будут ходить те, кто на это начальство наплевал, и требовать с тебя выполнения каких-то своих условий, каких-то поборов. Тем не менее, в каких-то силовых структурах - государственных или скорее полугосударственных - крышу сейчас найти можно.

Второй вариант - это не ограничиваться национальной юрисдикцией: организовывать производство в тех зонах, в которых для этого есть условия, а затем осуществлять импорт. Осуществлять импорт в страны СНГ - дело тоже тяжёлое, имея в виду редкостную коррумпированность таможенного процесса и таможенных органов, но это некий вариант выхода. Поскольку сейчас существует некий Таможенный союз и таможенные преференции между разными участниками СНГ, то можно работать в рамках этих преференций. Есть страны с достаточно слабыми и коррумпированными режимами. Есть Украина, в которой режим сейчас закоснел, но если на ближайших выборах он рухнет (будут перевыборы и рухнет костяк режима донов) начнётся бардак, Украине свойственный, в рамках которого можно будет продавить соответствующее законодательство, допускающее ту или иную экстерриториальность для бизнеса. Либо свободные и высокотехнологические зоны со своим налоговым режимом, либо это сделать на каком-то местном уровне - добиться повышения возможностей местных властей и т. д.

В странах с сильным режимом типа Беларуси возможно каким-то образом достучаться до верхушки режима, поскольку там маразм пока ещё вроде бы не дошёл до той степени, до какой он дошёл в России. С интеллектуальным уровнем там тоже не очень, но там уровень коррупции меньше, а значит - выше уровень управляемости. Если там в чём-то убедишь верховное руководство, то и результат будет. Они закон издадут - ты можешь спокойно работать. В России, что бы ни решила центральная власть - реальной власти у них нет, поэтому и договариваться с ними не о чем.

Социальные последствия становления новой индустрии

Поскольку условия в зонах киберпанка мало пригодны для организации безлюдных производств и бизнеса на их основе, контрэлита оказывается вынуждена потихонечку формировать анклав. Анклавы могут возникать на базе зон, где создаются необходимые юрисдикции для производства нового, для реиндустриализации. Там сосредотачиваются огромные производственные мощности. Такая зона не имеет конкуренции в зоне киберпанка, потому что там юрисдикция не позволяет что-то такое производить эффективно.

Следствием такого положения станет демпинговая экспансия на рынок превращающегося в киберпанк остального мира. Если, например, внутри украинского государства - неважно в каком месте - вдруг появляется такая зона (населения там много не надо, рабочих много не надо, достаточно только обеспечить охрану производственной зоны и поставить там автоматизированные производства, чтобы там не ходили менты, пожарники и прочие представители щирых украинских профессий), а внутренней таможенной границы нет – и этот производственный центр захватывает украинский рынок в течение нескольких лет. Просто потому, что никто не может с ним конкурировать - он производит всё что угодно - и дёшево. Он производит то, что остальные просто не в состоянии произвести по технологическому уровню.

В результате такого варианта событий, в рамках этих анклавов быстро концентрируются финансовые ресурсы, соответствующий силовой ресурс. На этой базе он начинает манипулировать центральной властью, ставя её под свой контроль, как в эпоху опоры на тяжёлую промышленность ставили хозяева тяжёлой промышленности - всякие доны и днепропетровские мафии. Это - возможный вариант развития.

Есть ещё одно свойство этой новой промышленности, которое позволяет анклавизацию. Старая промышленность была экологически крайне грязной. Если вы где-то концентрировали производство, то вы должны были быть готовы, что экологическая обстановка в таком месте будет несовместима с жизнью. Те процессы, в которых заняты люди, имеют огромное количество ограничений на построение этого производственного процесса. Результат - отходы в большом количестве и крах окружающей среды.

С началом автоматизации стало возможным более глубоко перерабатывать. Промышленность стала более экологичной. Автоматические производства могут быть полностью поставлены на замкнутый цикл. Все отходы будут там оставаться и

перерабатываться. Поэтому новые промзоны могут быть достаточно дешево построены так, что там не будет вообще никаких экологических проблем. Можно будет эти производства ставить хоть на курортах.

В индустриальную эпоху, правда, безответственные люди тоже ставили производства на курортах. В Мариуполе, к примеру, вдоль моря заводы стоят строем. А район, который застроен этими монстрами советской тяжёлой промышленности, официально назывался «курорт всесоюзного значения».

Тогда это было преступлением, а сейчас это можно будет делать совершенно спокойно. Новые производства не загрязняют окружающую среду - их можно ставить где угодно, и воздух будет там чист и свеж, и вода будет нормальной, и всё там будет замечательно.

ЛЕКЦИЯ 4: ВОЙНА

Предварительные замечания

Надежды на трансформацию общества без срыва в мировую войну были очень велики всё прошлое десятилетие. Надеялись, что все-таки элитам удастся договориться, элитам удастся освоить те технологии, которые позволяют провести этот постиндустриальный переход в более мягкой форме. Этого не произошло как раз не потому, что элиты не хотели договариваться – они хотели договариваться - но потому что они оказались не готовы освоить те новые социальные технологии, которые соответствуют новым социальным условиям. Поэтому дальнейшее развитие событий ведет к мировой войне, и её вероятность сегодня выросла почти до 50%.

Война неизбежно будет вестись корпоратократией против всех государств, которые, так или иначе, обеспечивают господство финансовой аристократии и опираются при этом на паразитические классы. Поскольку на сегодня и государства Европы, и США являются именно такими государствами, то война будет вестись и по сути уже разворачивается против них.

Как будет вестись эта война?

Многие аналитики обращают внимание на то, что разворачивающаяся сейчас Мировая война будет идти не в форме войны между государствами, а в форме деинтеграционных внутренних процессов. Сейчас этот процесс начинается в

Европе и США, отделение басков и каталунцев в Испании тому пример. Это - часть инструментария мировой войны. Но не надо думать, что всё к этому сведется - непосредственные столкновения несомненно будут.

Что такое война? Чем она определяется? Превосходством в производительных силах. У кого в руках новые производительные силы – у того в руках новые военные ресурсы, новая военная техника. **А раз есть военно-техническое превосходство – оно должно быть реализовано.** Оно и будет реализовано в рамках прямых военно-технических столкновений. И о них мы будем говорить дальше: каким оружием будут воевать, какой будет тактика и стратегия применения этого оружия, и куда мы придем с этой тактикой в конечном счете.

Для людей, остающихся в плену представлений прошлого века, кажется, что чтобы вести войну, нужно чтобы с одной стороны были государства и с другой стороны были государства. К этому привыкли в течение двух-трёх последних веков, когда господствовали над миром и организовывали человечество территориальные государства. В более ранние времена, конечно, таких иллюзий не было: войны велись частными армиями, городами, не важно, на что опирались эти вооруженные силы. И сейчас так будет.

Если мы помним, в Первой Мировой Войне финансовая аристократия вела войну и против Германии, и против Австрии, и против России. Но при этом с одной стороны Германию и Австрию, а с другой стороны Россию удалось столкнуть между собой. Сегодня корпоратократия при переходе к горячей фазе развёртывающейся сейчас мировой войны применит тот же самый ход. Будет организована война между теми государствами, которые необходимо уничтожить. Понятно, что в условиях нынешнего кризиса государств это может быть легко достигнуто.

Средства войны

В интернете есть немало сайтов, посвящённых той военной технике, которая сейчас ставится на вооружение в войсках в разных странах. Кого ещё не успели забанить в гугле, может самостоятельно составить обзор современных БПЛА, аквадронов, автоматических артиллерийских установок и прочих средств современной войны. Поэтому я пропущу

такой обзор и сразу перейду к делу.

В войсках отсталых стран пока ещё много старой техники. В то же время автоматизированные средства войны пришли в войска достаточно давно. Если говорить об Израиле или Соединенных штатах, то на протяжении последнего десятилетия в войска пришли уже тысячи БПЛА и других дронов. Поначалу это были чисто разведывательные беспилотники, в последнее время мы видим прорыв в ударных беспилотниках.

Итак, давно произошел прорыв на уровне техники. Несколько лет на производство – и мы увидим, как в войска придут и займут своё головное место уже полностью автоматические беспилотники, то есть чистые роботы, способные сами принимать решение о нанесении ударов и обо всех вопросах, которые перед ними встают в процессе боя.

Мы видим такую же ситуацию в сухопутных войсках. Как выглядели сухопутные войска во время второй мировой войны? Что сейчас во всех военных училищах рассказывают в России? Войска по представлениям прошлого века - это какие-то подразделения, организации групп людей, которые осуществляют силовые воздействия.

А что же представляют войска в этом веке? В Германской армии поставлены полтора года назад на вооружение автоматические артиллерийские системы.

Как выглядит процесс боя, в котором участвует артиллерийская часть нового типа? Над ТВД осуществляют дежурство несколько АБПЛА. Они осуществляют артиллерийскую разведку, то есть занимаются целеуказанием. Это не ново. Ново то, что они отслеживают все выстрелы, которые идут с той стороны. Словив две-три точки выпущенного с той стороны снаряда, они их передают на вычислитель, который мгновенно определяет траекторию и смотрит, куда упадет снаряд. Если он видит, что место падения снаряда представляет собой угрозу какой-то из находящихся под управлением киберцентра артиллерийских установок, то киберцентр просто даёт туда сигнал, и эта установочка быстро отъезжает от своего места, пока еще снаряд летит.

Естественно, если в этот процесс вмешать человека, начнется выяснение отношений, амбиции, тупизм и прочий человеческий фактор, который только

задерживает оперативное принятие решения. Поэтому человек выключен из процесса принятия решений, из процесса управления боем. Целиком и полностью бой ведет чисто автоматика.

Это уже не будущее. Эти системы на вооружение сухопутных сил ФРГ уже поступили. Поэтому я рассказываю о том, что есть, а не о том, что там когда-нибудь будет.

Сегодня в продвинутых армиях ситуацию определяют автоматические боевые системы. Означает ли, что эти армии готовы к войне с использованием этих боевых систем? Нет, не означает. Потому что структура этих армий, характер организации боевого управления этих армий на сегодняшний день все еще таков, что не соответствует новым условиям, новому характеру и новой технологии ведения боя.

Мы видим правильную технологию, но не видим правильной организации частей. Еще не приступили к достаточной реформе организации частей. Та реформа, которую проводят в Германской армии, пока еще просто не учитывает многие факторы. Проводят реформу сухопутные генералы, и это есть проблема. Если говорить об организации частей в прошлом, во Второй Мировой Войне, в послевоенной период, то организация частей, направленная на современную военную технику была только в авиации.

Адекватная организация современной высокотехнологической военной части фундаментально отличается от классической организации сухопутных войск. Она больше похожа на организацию авиационных подразделений. В авиационном подразделении человеческий фактор или исключён из процесса боя или его участие минимизировано: люди занимаются только процессом регламентного и текущего обслуживания техники. Из самого процесса боя человек практически полностью выведен.

В авиации ещё в прошлом веке бой вели только пилоты, в полку 20 пилотов. Но за этими 20-ю пилотами стоит огромная система, которая поддерживает функционирование техники. В рамках каждой эскадрильи и самого полка мы видим технические службы. Регламентное обслуживание осуществляется в рамках эскадрильи, текущий ремонт делается уже в специальных цехах, которые и являются техническим подразделением полка. Мы видим приданный этому полку батальон аэродромно-технического обслуживания – он занимается уже обслуживанием аэродрома, сверхрегламентным ремонтом, обеспечением полётов и т.п. В бригаду входит также радиотехнический батальон, который занимается воздушной разведкой, целеуказанием, диспетчерской службой, радиоэлектронной

борьбой и т.п. И так, 20 воюющих пилотов обслуживает уже не просто авиаполк, а целая авиабригада, в которую входит этот полк.

Это принципиально иная организация, чем у сухопутных сил. У сухопутных сил основная боевая сила – это живая сила, к ней приданы технические средства - пушки, танки, боевые машины пехоты, которые тоже сейчас нигде не получится использовать. Такая организация соответствовала эпохе Адольфа Алоизыча. Как ты в неё не впишешь автоматизированные силы, если сверху остается организация полков, бригад, дивизий по старому сухопутному образцу, то получается нечто небоеспособное.

В 70-е годы прошлого века уже стало ясно, что обычная сухопутная дивизия не может быть классического состава. Тогда был разработан состав бесполковой дивизии. Американская дивизия 70-х годов выглядела так: в неё входили по-сухопутному организованные батальоны и батальоны армейской авиации (тогда – вертолётной). То есть это уже был

не в чистом виде сухопутная, а воздушно-сухопутная смешанная дивизия. Батальонов авиации в норме было столько же, сколько танковых батальонов. Грубо говоря, 3 пехотных, 3 танковых, 3 вертолетных, 3+3+3. Кроме этого были 3 свернутых штаба бригад, причем состав бригад в зависимости от боевой задачи командир дивизии как угодно формировал. На какую-то задачу он брал пехотный батальон и два танковых, на какую-то танковый и два пехотных, на какую-то - вертолетный и пехотный. Эта гибкая структура была для тех времен оптимальна.

СССР очень сильно отстал от США тогда в военной реформе, что и привело к такой неповоротливости советских войск во время афганской войны. Организацией, оставшейся от Второй Мировой войны, в тех условиях воевать уже было невозможно. С выполнением боевых задач справлялись очень слабо, хотя потери враждующей стороны были на 2 порядка больше. То же самое мы увидели позже в Чеченской кампании, когда российская армия имела превосходство 100 тысяч против 7 тысяч (а это большое превосходство), но в течение нескольких лет так и не смогла разгромить противника. Власть была вынуждена договариваться с противником, использовать его расколы. Это - следствие архаичной организации.

Сейчас мы вышли на новый виток и оказались в совершенно новой ситуации. Сегодня организация войск фундаментально меняется. Даже намек на сходство с организацией сухопутных частей 20-го века в боеспособных частях уже быть не может.

Сегодня в РФ в рамках военной реформы копируют американскую систему 30-летней давности, которая абсолютно устарела. Причём копируют не гибкую организацию, а ту, которая была сформирована ad hoc для ближневосточных войн. Вводят зачем-то устойчивые отдельные бригады, вместо того чтобы они были динамичными структурами в рамках более высокого соединения. Формируют бригаду по сути вместо полка, в рамках штатов старого полка. В результате получается пародия на полк, поскольку для России традиционна именно полковая организация.

Люди совершенно не понимают, для чего и что они реформируют, поэтому они просто обезьянничают. Единственный резон превращения полков в бригады тот, что их командиры теперь могут быть не полковниками, а генералами.

Война информационной эпохи

В предыдущей лекции я рассказывал, как два пацанчика делали маленький бизнес, в котором использовали собранный своими руками БПЛА для аэрофотосъемки в интересах заказчика. Стоило им рассказать где-то у себя в институте, что они собираются такой бизнес делать, как тут же появился инвестор. Вдруг откуда не возьмись, к нам инвестор появивсь. Не понадобился фандрайзинг, инвестор просто взял и появился. Обычно так и бывает.

Почему это так бывает? Потому что существуют люди и организации, которые анализируют ход будущих войн и понимают, какие современные технологии будут востребованы. Соответственно необходим учет людей, которые с этими технологиями на «ты», необходим контроль за их деятельностью, поскольку это - технологии так называемого двойного назначения. Существуют структуры, которые занимаются контролем за технологиями двойного назначения, для того чтобы их мобилизовать в момент начала войны.

Кто же этим у нас занимается? Дело было в Ленинграде, или - как его не совсем корректно называют сейчас по имени одной из его частей – Санкт-Петербурге. Раз уж это происходит в Ленинграде, а это вроде бы территория РФ, значит - должны быть какие-то спецслужбы РФ. Я был бы очень рад, если бы этим занимался тот, кому по должности положено. Грубо говоря, в РФ есть военно-промышленный комплекс, есть вице-премьер Дмитрий Рогозин, который отвечает за программу вооружений. В нормальном государстве ему должны были бы быть приданы подразделения спецслужб которые этим и должны заниматься. К моему прискорбию ничего этого в России нет. Значит, инвесторы, которые в таких проектах оказываются мгновенно и с завидным постоянством, подгоняются другими службами. Какими?

Для того чтобы понять, как идет подготовка к войне, я сделаю малюсенький экскурс во времена моей относительно публичной политической деятельности в рамках РФ, в начало 90-х годов прошлого века. Тогда появилась благотворительная организация под названием фонд Сороса. Она занималась тем, что организовывала учителям по всей стране помощь гуманитарную, премии выдавала. Выдавала премии и ученым. В общем - всей этой несчастной интеллигенции, которая пострадала от ельцинских реформ, которые называют почему-то реформами Гайдара, хотя официальным их автором был знаменитый «экономический убийца» Джеффри Сакс.

Мне в 1994 или 1995 году пришлось готовить в Государственной думе парламентские слушания, в рамках которых пришлось нашим бедным депутатам читать лекцию о том, чем на самом деле занимается фонд Сороса. Была фондом Сороса учреждена премия нашему уважаемому ученому - 500 дол. Для того чтобы получить эту премию, претендент был должен подробненько описать все свои разработки: чем занимался, чего достиг, и так далее. 30000 ученых написало отчёты. За 15 миллионов долларов Сорос получал полный обзор всей технической документации, обзор технических достижений СССР. Отчитался за 1 миллион.

Чтобы в рамках нормальной разведывательной работы, которой занимались соответствующие службы СССР и США во времена холодной войны, получить такой объем информации нужны были расходы и инвестиции порядка 150 миллиардов и лет 10-12 работы. Фонд Сороса за пару лет, потратив смешные деньги, весь этот объем информации получил. Депутаты несколько охренели, когда нами была им объяснена эта технология. Узнать им пришлось и о том, как через «Соросовских учителей» делали мониторинг кадрового потенциала. Так депутаты узнали, как работает профессиональная и современная аналитическая разведка.

С тех пор россиянки депутаты стали весьма и весьма подозрительными, но умней не стали. Обжегшись на молоке, дуют сейчас и на воду, но без какого-либо понимания, что происходит на самом деле, и как этому противодействовать.

Сегодня уже никого не интересует потенциал СССР, интересует будущее. Нынешние разведывательные структуры работают совершенно легально. Открыто действует уже не только аналитическая разведка, но и оперативная. Она действует не через резидентуру, а через легальные организации, которые держат людей, с ними связанных, с ними сотрудничающих, находящихся у них на премиях, еще на каких-то формах сотрудничества во всех ВУЗах, научных институтах и прочих местах. Они мгновенно получают информацию о том, где происходит какое-то шевеление. Поскольку они способны эту информацию оперативно отработать, каждое шевеление стараются ставить под контроль. 3 копейки на инвестиции – и они соинвестор-совладелец. В любой момент, когда возникает в этом необходимость, можно немножечко дернуть и направить партнёров в нужное русло.

Это - реальный процесс, который сейчас происходит не только в России. Он происходит в большинстве стран мира. Где-то ему есть противодействие, где-то ему нет противодействия.

Невозможно противодействие этой деятельности на уровне контрразведки, оно возможно только на уровне национализма. Например, в Китае каждый китаец относится к американцам и американским организациям как к потенциальному противнику, врагу, как это было в СССР. Поэтому и в СССР было бы трудно проводить такие вещи: не потому что там КГБ особо мешало (КГБ и тогда было не особо эффективным, как и сейчас), а потому что каждый человек имел внутреннюю цензуру, и думал: «ага, это сотрудничество с врагом, это меня разводят, э нет, не получится» - и тихонечко сваливал. В Китае это и сейчас так, поэтому там трудно ввести подобные разработки. В России это не так, потому что можно очень долго верещать о величии народа-богоносца, о вселенской судьбе России, но в глубине души каждый гражданин РФ уже понимает, что в во-первых это уже не государство, а во-вторых Россия уже кончилась, нечего и выпендриваться. Исходя из этой внутренней установки, этого понимания жизни, навязанного СМИ, государственной пропагандой, школой и т.д., россиянки очень активно сотрудничают с этими организациями.

Производительные силы и военная организация

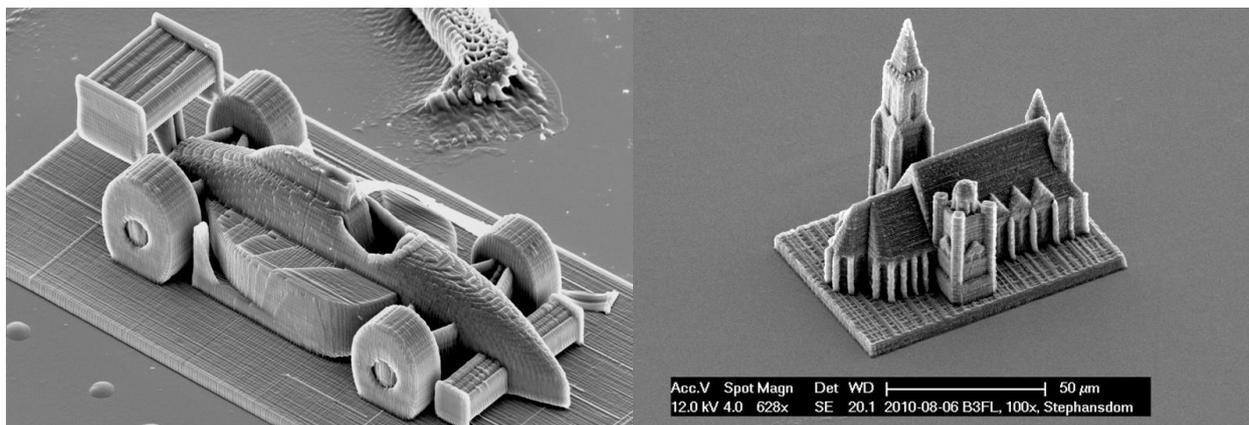
Такова была война информационной эпохи, которая сейчас сменяется эпохой автоматических производств.

Чтобы понять структуру предстоящих вызовов, я немного вернусь в сферу производства, потому что надо понимать, что военные технологии есть следствие производственной технологии, а военная организация есть следствие производственной организации. К примеру, возникло мануфактурное производство, а с ним и рабочий класс, и возникла из него наполеоновская массовая стрелковая армия. Затем возникает сталелитейная промышленность, и мы видим армию с упором на артиллерию. Появляются механизированные производства, мы видим достаточно технически образованных людей в качестве призывников, в качестве личного состава, и уже к Первой Мировой это в той или иной степени военнотехническая армия, а ко Второй Мировой уже чисто техническая армия: там воюют техникой.

Сейчас мы видим новую структуру производительных сил. В предыдущее десятилетие - в нем господствовали пиар-технологии - и мы видим, к примеру, проект реформы Германской армии (который к моменту его запуска, как и все такие проекты, устарел на 10 лет, но четко отражает основу той идеологии). В нём делается упор на «ведомство страха», то есть на организацию, прежде всего, разведывательных служб и системы террора. В рамках этой реформы они сейчас пытаются обобщить и воспроизвести опыт ГЕСТАПО.

Это - правильная адаптация к ситуации, когда пиар-технологии господствуют, то есть к ситуации 1988-2012 годов. Но сейчас мы входим в эпоху, когда будут господствовать технологии автоматического производства. Мейнстримом, ядром мировой экономики, становятся производственные технологии.

Теперь возможно печатать 3-х мерные объекты с невероятной детализацией используя «двухфотонную литографию».

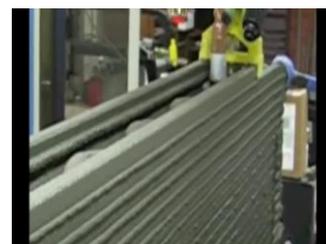
<http://www.tuwien.ac.at/>

Чтобы понять, на каких силах будет основано будущее развитие, давайте посмотрим, как выглядит современный производственный комплекс. Простейший современный производственный аппарат, квинтэссенция нынешних технологий – это 3д-принтер. Грубо говоря, вы на 3д принтере можете сделать что угодно. Вы создаете образ-проект на компьютере, затем под управлением компьютера подаются те или иные нужные материалы на выход 3д-принтера, дальше 3д-принтер этим самые материалы слоями нагоняет и получается некий трехмерный объект с заданными вами свойствами. Это и есть производственный процесс.

Существуют уже разработанные опытные образцы (в этом десятилетии они пойдут в серию), строительных 3д принтеров. Это достаточно больших размеров строительные установки, в которые подают бетон, этот бетон они слоями наливают по заданному контуру, в результате чего в течении 1-2 дней вырастает одноэтажный домик. В состав этого 3д-принтера входит манипулятор, который вставляет дверные и оконные рамы, трубы в стены и т.д. Таков 3д-принтер, который сегодня автоматическом режиме выстраивает домик. В интернете есть уже много видеоклипов, демонстрирующих процесс работы такого 3д-принтера. В течение года-двух его доведут до ума, и вопрос о серийном производстве строительных 3-д принтеров – это вопрос этого десятилетия.

При помощи 3д-принтера сегодня делают работающие механизмы. В интернете есть видеоклипы о том, как некий пацанчик сделал 3д-принтер, который работает при помощи лазера на композитных материалах, а затем из этих композитных материалов распечатал авиационный двигатель.

Эта технология широко рекламируется в интернете сегодня. Первый реактивный двигатель некоторое время поработал, оказался не очень совершенным, что понятно: это первая отливка. Еще несколько лет – и технологию доведут до ума.

На днях по РТР-24 показали, как японцы сделали при помощи 3д-принтера робота. Процессоры и раньше делали при помощи 3д-принтеров. Послойные напыления – это технологии, придуманные не сейчас, уже в 70-е годы напыляли только так. Все микропроцессоры, которые мы знаем, начиная с тех, которые были в 70-е годы, и тем более тех, которые пошли в ход с появлением персональных компьютеров – все они сделаны на 3д-принтерах. Японцы сейчас при помощи этих же 3д-принтеров кроме схем сделали и механизмы. Изобразили куклу движущуюся, назвали это роботом (хотя робот должен какие-то производственные функции делать, а этот просто что-то изображает). Во всяком случае, сделали дееспособную движущуюся куклу при помощи этого самого 3д-принтера.

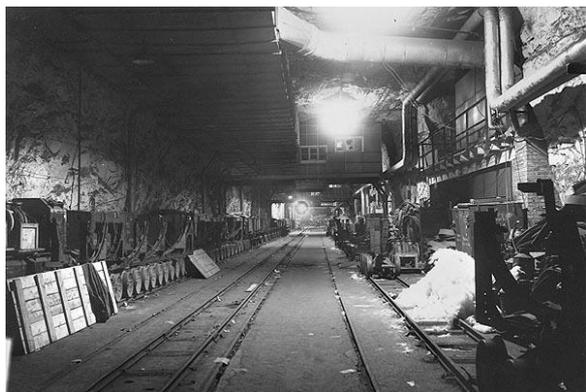
Что такое 3д-принтер? Это - производство, в котором отсутствует человек, как участник и оператор процесса копирования. Есть проектировщик, который проектирует на компьютере то, что надо произвести, а дальше мы имеем чисто автоматический процесс изготовления любого количества копий этого товара.

Сегодня вы можете сделать на 3д-принтере авиационный двигатель, напылив его лазером из композитных материалов. Задача сделать авиационный корпус из порошка или алюминиевого сплава - на порядок менее сложная. Через некоторое время можно будет делать сами 3д-принтеры при помощи 3д-принтеров. Появятся не только непосредственные автоматические производства, но произойдет **стратегическая автоматизация всего производственного процесса**, включая производство средств производства.

Это реальность.

Будущее уже наступило.

Сегодня становится доступным мелкому и мельчайшему бизнесу производство сложной техники, которая еще недавно, в конце прошлого века, требовала обращения к большим техническим производствам, к заводам. Маленькие фирмы что-то проектировали, отлаживали, а потом уже отдавали производства на большие заводы. Другого варианта не было. Производство любой техники, в том числе военной техники, было уделом только больших производственных систем. А они были, естественно, под государственным контролем.

Это и составляло суть индустриальной эпохи. Производить что-то серьезное можно только на больших заводах, а их контролировало государство. Когда Адольф Алоизыч готовил Германию к войне, ему приходилось строить гигантские подземные заводы. Горные выработки, шахты, которых с 19-го века в Германии осталось дикое количество,

бетонировали, крепили. В этих подземных пещерах ставили станки в огромном количестве и занимались производством самолётов, танков и прочей военной техники периода Второй Мировой Войны.

Провернуть такую операцию может только государство, с огромным напряжением сил, при очень высокой консолидации элиты. Вся элита должна быть готова участвовать во всем этом процессе. Постройка подземного завода - это огромные капиталовложения, огромные организационные затраты, огромный труд. Приходилось создавать концлагеря, чтобы строить заводы, а потом их обслуживать. Это - гигантский

организационный процесс, который могло себе позволить только государство. И не просто государство, а крайне эффективное государство. У какого-нибудь раздолбайского государства не получилось бы организовать такой процесс, который организовал Адольф Алоизыч сотоварищи или ВКП(б) в СССР.

Только большие государства, большие корпорации, большие системы могли заниматься производством военной техники в 20-м веке. Прошло всего-навсего 10 лет с конца 20-го века - и мы увидели совершенно другую картину. Сегодня любой пацанчик может поставить себе 3д-принтер в подвале, и если у него голова хорошо работает, то он сможет спроектировать БПЛА или еще какую-то гадость. Он может её спроектировать, а я не могу даже предсказать, что он проектирует.

Появилась возможность для частного лица или какой-то маленькой группы иметь собственное производство ультрасовременной крайне эффективной военной техники. Адольфу Алоизычу приходилось строить гигантский подземный завод, а сегодня достаточно иметь в подвале 3д-принтер.

Неспециалист в современной военной технике в этом месте возмутится: «Завод выпускал огромные самолеты, а этот только какие-то БПЛА и может». Если сравнивать по массе металла, то Адольф Алоизыч будет вне досягаемости. А если

по ударной мощи – то ударная мощь этого БПЛА, если правильно организовать боевое применение, ничем не уступает мощи того самого «Мессершмидта». Скажем, танк подбить маленькому БПЛА, и тем более АБПЛА, проще, чем «Мессершмидту».

В глубине подвальчиков сегодня можно сделать всё что угодно. Системы вооружений способны производить не организации, а очень небольшие спаянные инновативные группы. Чем меньше их состав, тем меньше возможность предательства, тем меньше возможность контроля, тем меньше там дураков и связанных с этими дураками проблем. Чем меньше группа, которая пытается организовать какие-то силовые операции, тем больше у этой группы вероятность успеха, и тем сложнее ей противодействовать. Это прекрасно знают все, кто сейчас пытается противодействовать таким группам.

Сегодня антитеррористические силы государств противостоят группам, которые пока еще работают на старой технологии, на старой технике. То есть собственной техники не производят, если не считать бомбы в стиле академика Морозова, который до того как научить нас правильной истории, занимался изготовлением бомб, за что и отсидел. Дальше Морозова террористы за прошедшие 150 лет не пошли.

Но это - на сегодняшний день. А завтрашний день (прямо завтрашний: я не имею в виду что-то далекое, я имею в виду то, что будет в этом десятилетии) - это уже возможность производить современную боевую технику, последнее слово боевой техники, системы вооружений в рамках ресурса, который есть у таких маленьких групп.

Современная армия

Сегодня наземные боевые средства - всякого рода танки, БМП, артиллерия и прочий скарб, который имеют сухопутные силы – являются просто мишенями. У Саддама Хусейна было этого добра больше, наверное, чем у Гитлера. В 1990-м году он столкнулся с организованной по образцу 1970-х годов дивизией США. Одна эта дивизия разгромила всю его миллионную армию со всеми её системами вооружения времен Второй Мировой – великим творением реанимируемого ныне Рогозиным советского ВПК. Поскольку у американцев не было других целей, и что дальше делать, они не знали, то просто разгромили и этим ограничились. «Не лазай, Саддамко, в Кувейт, потому что мы Кувейт крышуем, а мы - крутая крыша».

Есть ли у государства сухопутные силы или нет у него сухопутных сил – это вопрос первой недели войны. Никто не отменял главного правила войны прошлого века:

господство в воздухе решает всё. В 1941-м году немцам удалось завоевать господство в воздухе, и их превосходство перед советской армией оказалось абсолютным на весь 1941-й год. Потом они это господство в воздухе потеряли.

После Второй Мировой Войны господство в воздухе тоже решало всё. В Израильско-арабских столкновениях у Израиля было каждый раз господство в воздухе, и это всё решало. У кого армия меньше, у кого больше, у кого танки лучше, у кого хуже, кто сколько сделал ошибок. По количеству ошибок и Израиль, и арабы соревновались напропалую. Это не отменило результат: господство в воздухе всё решило, сухопутные силы противника с воздуха просто уничтожили.

Израиль сделал свои выводы, и с тех пор упирает на авиацию. Там есть какие-то наземные, по сути, полицейские силы. Есть какие-то «типа танки» - полицейские броневички, которые входят в городские кварталы – вошли, поугадили, ушли. Это нельзя назвать боевой силой. Но у них есть авиация, которая и обеспечивает безопасность этого государства.

У Израиля сегодня в военно-техническом плане самая продвинутая армия. Израиль – главный производитель БПЛА. Американские беспилотники делаются по Израильской франшизе. Израиль имеет маленький экономический и человеческий потенциал и должен решать все свои задачи малыми средствами. Поэтому он сделал БПЛА, которые решают задачи авиации, но в 100 раз дешевле.

Израиль построил авианосцы, которые решают ту же задачу, что и американские авианосцы, только в более ограниченной акватории (то есть они эти задачи решают в средиземном море, а не в океане), но по ударной мощи близки к американским авианосцам. При этом они - корабли всего лишь второго ранга. На Израильском фрегате базируется огромное количество БПЛА, которые могут наносить удары туда, куда им нужно. Корабли охранения для такого авианосца тоже гораздо дешевле, проще и меньше. Израиль сделал подводные лодки с ракетами с ядерными боеголовками (понятно, что они это скрывают), и ядерными торпедами - и всё это на порядок легче и дешевле, чем у старшего американского брата-дуболома.

Сегодняшний Израиль имеет вторую по мощи армию в мире. Его боевые возможности превышают боевые возможности и Англии, и Франции, и России. С Китаем сравнивать не приходится, потому что они вряд ли когда-нибудь столкнутся, и это было бы выяснение вопроса, кто сильнее – слон или кит. Не приходится выяснять, потому что никак не выяснишь.

Израиль уступает по военной мощи только США, хотя у него очень маленькая армия по численности. Но и эта численность уже избыточна, так как армия нуждается в военной реформе. При нынешнем военно-техническом состоянии как минимум половина личного состава - лишняя, и от него надо уже избавляться. Не избавляются потому, что надо поддерживать тонус нации, а армия - это средство воспитания.

Для поддержания военной мощи на уровне второй военной державы мира сегодня достаточно армии по численности в половину нынешней израильской армии. Большая часть там – это балласт, оставшийся от ориентации на организацию предыдущих веков. Прежде всего, это так называемые сухопутные силы, которые непонятно, куда в нынешних условиях девать.

Что такое армии остальных государств? Это армии, организованные в целом либо по опыту Второй Мировой Войны, либо по опыту столкновений последней трети 20-го века, то есть как-то модернизированные. В США - модернизированные еще в 70-е годы. Европейские армии модернизируются уже 20 лет, Российская армия тоже года 3 как модернизируется, запоздав лет на 40 со структурной реформой. Но все они остаются по базовой стратегической глобальной структуре армиями еще эпохи Второй Мировой.

В их рамках есть та или иная степень интеграции высокотехнологических подразделений, успешной или неуспешной. Есть понимание, что нужно ставить на высокотехнологические подразделения. Понимание есть в командовании НАТО, в командовании Бундесвера. Ставят на высокотехнологические подразделения, остальные сокращают. Понимание есть в какой-то мере и в Российском Генштабе. Ещё лучше это понимает ВПК. Ещё лучше это понимает Рогозин.

Рогозин пытается организовать производство как можно более современной техники. Но он повязан по рукам и ногам двумя обстоятельствами. Реформирование самой армии ему не подведомственно, туда он вмешаться никак не может. Он не может реформировать и сам производственный процесс. Он безальтернативно вынужден иметь дело с неповоротливой структурой времен товарища Сталина. В России нет другого ВПК, кроме

оставшегося в наследство от товарища Сталина, и с тех пор в той или иной степени развалившегося. Вдобавок Рогозин вынужден еще и лоббировать интересы ВПК.

Невозможно лоббировать интересы, и самому же резать там что-то лишнее. Поэтому с одной стороны Рогозин повязан своим положением, а с другой стороны – и своим пониманием реальности. Он искренне хочет именно этим древним инструментом, оставшимся в наследство от товарища Сталина, производить современную технику. Это невозможно, потому что заточен этот инструмент был под другое. Он заточен танки клепать.

Окончательно делают положение Рогозина отчаянным политические ограничения, обязательства власти перед уралвагонзаводами. Он вынужден давать заказы на вот эти танки, которыми с Гитлером ещё можно было воевать, но куда их сейчас воткнуть – совершенно непонятно. Кого можно напугать сегодня танком? Ежа обнажённым тылом напугать существенно проще. Уралвагонзавод собирает эти громыхающие машины, обещает, что демонстрантов будет ими пугать... До Китая этот танк просто не догромыхает. До Москвы с Урала он тоже своим ходом не догромыхает. Непонятно куда деть сейчас этот танк, но заказы размещать приходится, просто в порядке распила.

В этих условиях и пытаются сейчас производить в России какую-то современную технику. Насколько это получится у Рогозина, можем и не успеть увидеть, потому что горячая фаза Мировой войны может начаться раньше.

ЛЕКЦИЯ 5: РАЗВЁРТЫВАНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Я рассказывал о технологиях, которые изменяют характер войны и характер общественных отношений. Как учил Маркс, общественные отношения строятся на базе тех технологий, которые у общества есть. В первую очередь это относится к военным технологиям или технологиям двойного применения. Вообще говоря, производственные и военные технологии связаны. По сути – это одни и те же технологии, применяемые в разных направлениях.

Единство технологического и военного уклада очень хорошо видно. Наступает мануфактурная эпоха – и вместе с ней появляется массовая армия Наполеона. Приходит ранняя промышленная эпоха – и возникает армия, основанная на игольчатом ружье, винтовке, и связанные с этим новые формы организации - так называемая прусская армия.

Затем приходит Мировая Война. У немцев есть гениальный план Шлиффена. Шлиффен - действительно величайший из тогдашних военных стратегов. Но план Шлиффена – это план манёвренной войны, войны предыдущей эпохи.

Шлиффен видит: есть новая техника. Он её прекрасно учитывает. Сформирована новая военная организация: гигантские военные корпуса, огромные многомиллионные армии, которых раньше не было. Они, по плану Шлиффена, реализуют манёвренную войну, которую раньше осуществляли 300-тысячные армия, размером в несколько корпусов. В этом плане Шлиффен обобщает то, как он маневрировал корпусами. Он это переносит на маневрирование армиями. В Первую мировую этот план пытаются реализовать,

правда уже другие, не столь авторитетные, жёсткие и ясно мыслящие, как сам Шлиффен, люди.

И тут оказывается, что война уже совсем другая. Через пару месяцев выясняется, что война - позиционная. Никаких маневров, никаких обходов, никаких Канн. С этой стороны окоп, с той стороны окоп. Либо атакуй в лоб, либо стреляй. Совершенно другая технология войны. Немецкий, французский, австрийский, русский генштаб оказался к ней просто не приспособлен. Фош накануне войны продвигал романтическую теорию прорывов, теорию ударов, ничего не имеющую общего с позиционной войной. Русский и австрийский генштаб шли в арьергарде немецкой и французской военной мысли.

С началом Первой Мировой рухнула вся военная теория. В реальности всё оказалось совсем по-другому. Военные, и экономические расчеты, которые строились до этого, рухнули. В течение нескольких лет было неясно, кто вообще управляет ситуацией. На арену начали выходить новые силы. Началось переформатирование государств, наиболее неустойчивые империи просто рухнули. Это и есть отставание в осознании реальности.

Между войнами появились танки. Когда читаешь сегодня сочинения военных теоретиков того времени, например, Тухачевского, то видишь, что человек понимает танк, он увлечен этой новой техникой, она ему нравится. Дальше начинается тактика боевого применения. Оказывается, что вся концепция Тухачевского – калька с боевого применения конных армий. В реальности невозможно так применять танки. Смешно даже читать то, что пишет военный стратег той поры.

То же самое было и позже. В Афганистан входила армия, заточенная под борьбу с Гитлером. Она там адаптировалась к ситуации. Сразу выяснилось, что нужна другая организация, другая структура военных частей, другая тактика, стратегия, логистика. Кое-как перестроились. Вышли оттуда. С тех пор русский Генштаб умеет воевать только в горах с моджахедами.

Военная теория отстаёт от реальности всегда катастрофически. Каждому Наполеону в начале его карьеры противостоит Мелас. То же самое происходит в экономической реальности. Но в экономике вопрос стоит о деньгах, о личных интересах, да и масштабы поменьше, и организация часто не бюрократическая. Поэтому там новое иногда пробивает себе дорогу раньше. Когда оно уже пробилось, тогда новые производственные отношения начинают переформатировать мир через политику. Форма этого переформатирования в конечном счёте - война. Война приходит и создает новую социальную организацию.

Начало горячей фазы мировой войны

Допустим, в какой-то момент у нас случается мировая война. С 2011 года начались «предварительные войны», подобно тому, каковы были ливийская и балканские войны для Первой Мировой. Сегодня в непосредственные военные действия ещё не вовлечены первоклассные нации. Они пока еще разбираются с помощью поставок оружия, пиара и спецопераций. В какой-то момент произойдет переход к непосредственному вовлечению первоклассных наций в боевые действия - это и называется горячей фазой Мировой войны.

Что будет происходить при переходе к горячей фазе Мировой войны?

На первом этапе мы увидим столкновение армий государств. Вся наземная военная инфраструктура, вся продукция уралвагонзаводов будет уничтожена в первые несколько дней, и на этом можно о ней забыть. Её дальнейшая судьба интересует только сборщиков металлолома. Война будет в воздухе, и война будет между теми или иными средствами авиации.

Это ставит на повестку дня вопрос, о соотношении выживаемости у БПЛА или АБПЛА, с одной стороны, и могучего советского (американского, французского) истребителя – с другой.

Что такое современный истребитель? Эта огромная машина, гигантского веса, жгущая дикое количество энергии. Большую часть её эффективного веса составляют системы жизнеобеспечения летчика, который в ней находится. Даже при наличии этих систем жизнеобеспечения выжить в этой кабине истребителя может только очень здоровый мужик, очень тренированный. Только опираясь на эти системы жизнеобеспечения, он способен выполнять свои задачи, маневрировать, управлять самолетом.

Можно утверждать, что находясь в самолете, пилот управляет самолетом лучше, чем оператор беспилотника, у которого есть радиопомехи, задержки и другие проблемы. Каждый, кто с компьютером общался, знаком с помехами, задержками, проблемами операционной системы. У оператора все эти проблемы есть. Но БПЛА, при всех своих недостатках, имеет одно преимущество – он намного дешевле. В нем не нужна система снабжения кислородом, система катапультирования и т.д. В нем не нужно содержать человека. Он становится на порядок легче. Учитывая, что на каждый килограмм полезного веса приходится дикое количество топлива, экономия по размерам и весу выходит грандиозная. Разведывательный БПЛА израильских или американских сухопутных войск запускается с руки. Боец должен его бросить высоко вверх, моторчик заведется - и полетел... Не нужны все аэродромные инфраструктуры.

Это на два порядка дешевле, чем содержать обычную авиацию. Самолёт стоит миллионы, БПЛА – десятки тысяч. Любой хорошо подготовленный летчик с лёгкостью собьет беспилотник. Если у беспилотника есть оператор, то он проигрывает по реакции. Если оператора нет, то это робот. А робот - всегда глупый: человек с хорошей интуицией очень быстро для себя на интуитивном уровне определяет алгоритмы этого робота и знает, как его обмануть, куда бить. Это срабатывает на уровне спинного мозга. Человек против робота драку всегда выигрывает, если он достаточно тренированный. А пилот - человек тренированный по определению.

Итак, против одного БПЛА самолёт выиграет. А против двадцати? А против ста? Если на 1 пилотируемый самолет направить 20 беспилотников, он собьет десяток, но в конечном итоге кто-то собьет и его. Беспилотнику ничего не стоит на таран пойти, беспилотников не жалко. Разновидностью БПЛА может быть крылатая ракета – втупую летящая бомба.

Бой выигрывается количеством, массой.

Авиация, которая имеет какое-то количество БПЛА, просто не воюет с врагом при помощи пилота, а направляет в бой подавляющее количество БПЛА. Можно не плакать по поводу потерь и снести всю пилотируемую авиацию соперника.

Поскольку беспилотниками обзаведутся в ближайшие пару лет все, то можно утверждать, что, используя БПЛА, все повыбьют в первый месяц всю пилотируемую авиацию противника. **В первый месяц горячей фазы мировой войны состоится конец пилотируемой авиации в военном деле навсегда.** На этом история пилотируемой авиации закончится, и дальше уже воевать будут только беспилотниками. А ведь авиация - это последнее дееспособное подразделение армии старого образца.

Итак, в первую неделю (может все дольше немного затянется, но с технической точки зрения - в первую неделю) мы видим **конец наземных боевых средств.** Через три недели мы увидим **конец пилотируемой авиации.** А дальше произойдет **переход к совершенно новым боевым средствам,** которые вызовет к жизни эта мировая война.

Фаза стабилизации мировой войны

С этого момента начинается процесс соревнования в производстве новых боевых средств, все более разрушительных, все более эффективных. Государства их производство и быструю модернизацию на базе своих неповоротливых производственных систем организовать не смогут. Государства неспособны ни сегодня, ни завтра выстроить правильную систему их боевого

применения, потому что сама организация частей и соединений не позволяет правильно организовывать боевое применение новой техники, которая представляет из себя не только продукт новых технологий, но и продукт новых отношений человека с техникой. Именно этот элемент не учтен в структуре. Поэтому **военная организация государств начинает распадаться**, как любая неэффективная структура. В период войны структура, которая показывает свою военную неэффективность, распадается очень быстро и просто.

Вспомним историю падения Российской империи или Австрийской империи, которые показали свою неготовность к войне, что и запустило процесс распада. Вся элита распалась на враждующие группы, в этих враждующих группах начались заговоры. Съели верховную власть, потом передрались между собой и грызли друг другу глотку до тех пор, пока, откуда ни возьмись, не появились люди со стороны, которые сказали «мы знаем, что надо делать, а вы пошли в Париж», и все пошли туда, куда их послали.

Распад происходит очень быстро. Российской империи понадобилось полгода на окончательное рассыпание. Но на тот момент информационные технологии были не такие эффективные, как сейчас: до людей все доходило дольше, ехать в plombированном вагоне приходилось неделями. Значит, сейчас и полгода не понадобится. Всё рассыплется и все разбегутся. Была власть – и нет власти.

Государственная инфраструктура в любом государстве не что иное, как калька его военной структуры. Если терпит крах военная структура, значит, терпит крах и гражданская государственная структура.

Формально, то государство, которое быстрее рассыплется, войну и проиграет. То, которое рассыплется попозже, будет выглядеть победителем. Но только выглядеть, потому что крах его военной инфраструктуры будет очевиден, и оно будет неспособно оккупировать «побежденное» общество, даже нанести ему необходимый ущерб, чтобы терроризировать его. В условиях краха государств вначале на сцену выходят корпоративные армии, а потом некие партизанские структуры, которые им противостоят. С одной стороны частные армии, с другой стороны - противостоящие им структуры.

В Российском варианте есть, к примеру, частная армия Газпрома, которая вынуждена охранять трубопроводы чтобы как-то обеспечивать торговлю. Противостоять ей будут партизанские группы, которым не надо ничего охранять. Они оказываются в стратегически лучшем положении. Даже если они меньше и слабее, они компенсируют это своим стратегическим положением. Они шантажируют, с ними вынуждены договариваться.

Партизанские отряды

Корпоративные армии

С этого момента начнется конкуренция корпоративных армий и мелких партизанских групп, которые будут о себе заявлять. Их появится много, начнется процесс естественно отбора. Кто не сможет обеспечить скрытность, кто будет неграмотно вести свои боевые действия – погибнет. Адаптивные выживут, создадут эффективную систему собственной безопасности и начнут пинать всех вокруг. Основной задачей военной структуры будет терроризировать муниципально-феодалные образования в целях получения от них желаемого ресурса. Муниципальные образования достаточно уязвимы, легко бить по их точкам уязвимости – по трансформаторным подстанциям, по очистным сооружениям и т.д.

Конкуренция этих групп будет крайне острой. Они будут либо между собой договариваться, как они поделят этот город, либо же они будут между собой драться, как банды, конкурирующие за объекты феодальной эксплуатации. На этом этапе войны мы увидим совершенно новую ситуацию, конкуренцию небольших групп, которые опираются на крайне небольшие, не требующие больших объемов ресурсов «подвальные» производства военной техники.

Конкуренция новой техники будет идти на уровне качества. Тот, кто придумает новую машинку, которая экстерминирует противника лучше, чем предыдущая, будет иметь грандиозные преимущества, а тиражирование не будет ему стоить почти ничего.

Предположим, что появился какой-то умный человек в частной армии Газпрома с оргспособностями. Например, туда придёт тот же Дмитрий Рогозин. Допустим, что, освободившись от довлевших над ним обстоятельств, он сможет осознать реальность, плюнет на большие заводы, поймет, что где реально делается, надергает отовсюду пацанчиков, которые сколь-нибудь сообразительны и посадит их в шарашку. Но что можно организовать в шарашке? Копирование чужой техники, желательно с улучшением.

Выигрывать в реальной силовой конкуренции будут те, у кого идеи новые, а не те, кто копируют. Большие структуры обречены на копирование, на догоняющую ситуацию. В условиях военного столкновения время кто догоняет – тот проигрывает. Его разгромит агрессор, у которого есть какие-то новые образцы.

Достаточно изобрести сегодня, чтобы разработать за неделю или меньше технологический процесс, на базе ГПС, АПС, 3д принтеров и другой новейшей техники. В этих условиях стратегическая ситуация будет меняться за неделю-другую.

Завершающая фаза Мировой войны

Итак, установится совершенно хаотический процесс. Между этими анархическими группами в процессе долгой бойни будет возникать некоторое равновесие. В рамках этого равновесия они будут договариваться о временных коалициях и разделе. Но равновесие будет меняться очень быстро, и договорённости вряд ли могут быть живучими. В процессе войны будут приходить новые и новые волны технических изменений. Большие материальные потери в рамках этой войны затормозят

техническое развитие, но не настолько, чтобы можно было десятилетиями торговаться на базе какого-то сложившегося расклада сил.

Выход из этого процесса может дать только тоталитарное поглощение этих групп. Так разрешилась ситуация гражданской войны в России 1918-1922 годов. ВКП(б) - партия, которая опиралась с одной стороны на ресурсы старого генштаба Российской Империи, с другой стороны - на большой опыт подпольной террористической работы и организационной работы, контролировала новые производительные силы и новый класс производителей. Это была партия класса, который был держателем технологии индустриального производства. Поскольку война той эпохи была индустриальной войной, те, кто вел войну по индустриальному, оказывались сильнее в организационном плане, чем те, кто вел войну по-крестьянски, как Махно.

В описанной выше ситуации консолидатором и победителем может быть только организационно более сильный соперник, который, опираясь на новый прогрессивный класс, на класс носителей новых технологий, сможет **действовать в масштабах класса**. Он-то и осуществит консолидацию этого класса на базе, с одной стороны, классовых интересов, а с другой стороны - на базе организационного превосходства.

Поскольку все ребята, которые способны организовывать производство военной техники и вести современную войну, и составляют класс постиндустриальных производителей, то вне зависимости от того, в какой мере они осознают и понимают свой классовый интерес, идеологический авторитет, выражающей классовый интерес организации будет таков, что создаст привлекательность для вступления в эту организацию как самостоятельной, но когерентно со всеми действующей силы.

В результате партизанские группы начнут вливаться в эту структуру, как это было с Красной Армией, в которую вливались все деревенские банды, которые увидели перед собой могучую и ясную силу. Они увидели внятную идеологию, организационное превосходство, чёткое и устраивающее их видение будущего, которое им смогли разъяснить даже на их невысоком уровне классового самосознания. В рамках этого сложилась и Красная Армия, которая стала основой государства сначала под названием Российская Федерация, а потом СССР, и коммунистическая партия, как производная эманация организующей силы этой Красной Армии. Первое десятилетие это была партия чисто анархическая. Потом её стали в новых экономических, исторических и прочих условиях перестраивать под новую эпоху. Но это уже не относится к теме, которую мы рассматриваем.

В эпоху Первой Мировой войны всё выглядело именно так. Если во время Первой Мировой мы видели распад двух империй, Российской и Австрийской, то сейчас мы увидим распад всех государств. Даже первоклассные европейские государства будут рассыпаться, хотя в Европе возникнут какие-то более стабильные постгосударственные образования, чем в остальном мире. Впрочем, даже какие-то формы национального государства могут остаться.

Если партия нового типа, классовая партия постиндустриальных производителей, нетократии и постиндустриальной технократии, сложится до начала горячей фазы Мировой войны, она сможет в течение короткого времени взять ситуацию под контроль путём сетевой консолидации, и война окажется достаточно короткой и не слишком разрушительной. Если такой партии к моменту начала войны не будет, то война рискует затянуться, а произведённые ей разрушения могут оказаться настолько тотальными, что вместо постиндустриального перехода произойдёт просто ликвидация русского эгрегора.

Военная организация

Как меняется в новых условиях организация частей, подразделений, организация боевого управления, боевого применения? Дееспособная военная организация индустриальной эпохи - это некая калька, некий скол организации производственной. Полк организуется некий завод или фабрика. Сухопутный полк скорее как фабрика, авиаполк как завод. Мы видим специфическую индустриально-технологическую организацию военной структуры.

В Европе в эпоху мировых войн первой половины прошлого века мы видели упор на некую технократию, на технократическую организацию (по крайней мере, во время Второй Мировой), а в СССР преобладали пехотные части по ряду причин. Конечно, и ставка на артиллерию была (я сейчас не буду разбирать советскую стратегию) но по причине именно социальной, был сделан упор на пехотные части. Это отображало переходное состояние страны от аграрной к индустриальной. Военная организация была ориентирована на переходное мышление от аграрного к индустриальному обществу. В Западной Европе имела место индустриальная организация, хотя остатки аграрной организации там тоже имелись.

Сегодня страны белого пояса и некоторые азиатские страны имеют вооружённые силы, полностью заточенные под индустриальную организацию. Рассмотрим пример индустриальной организации. Я уже приводил в пример авиаполк времен мировой войны. Его структура мало изменилась вплоть до практически настоящего

времени. Сейчас авиаполки в РФ ликвидировали, но до конца десятих годов двадцать первого века эта организация еще сохранялась.

Авиаполк - крайне немногочисленная, если смотреть с точки зрения боевого состава организация: командир и несколько летчиков ведут бой при помощи нескольких боевых машин. В современном раскладе авиаполк - 24 боевых машины (три эскадрильи по 8). Более ранняя организация содержала порядка 40 боевых машин в авиаполку. Это и является боевой силой полка. Но помимо этого мы видим огромную массу инженерно-технического персонала. В каждой эскадрилье есть техники, причем если во второй мировой войне это был просто один техник, который отвечает за один самолет, то в организации времен конца прошлого века - это техники, которые отвечают за разные направления вооружений: ходовую часть, электронику, навигационное оборудование, оружие и так далее.

Ближний тыл авиаполка - это уже небольшой авиаремонтный завод, который есть у каждого полка. Большая часть личного состава полка - это персонал этого авиаремонтного завода. Весьма многочисленный получается авиаполк со своим авиаремонтным заводом, тыловыми службами, которые должны это всё снабжать и обслуживать. К этому еще добавлялся радиотехнический батальон, одно время ещё и целый батальон, который занимался радиоэлектронной борьбой. Ну и батальон аэродромного обслуживания, который занимался разного рода обслуживанием аэродрома, заправкой и т.п. Иногда авиазавод выносили из состава полка/бригады и делали авиазаводом.

Такова организация авиационных частей. Авиация - это сложная техника, а труд еще ручной, механизированный, но еще не автоматизированный. Поэтому части нужен завод, гигантская численность рабочей силы, чтобы обеспечить ударную мощь одного полка. Хотя авиаполк был не таким многочисленным, как пехотный полк, но если посчитать состав всей обслуживающей его бригады, то приближался он по составу к пехотному. Авиаполк сам по себе не мог функционировать без нескольких батальонов обслуживания, всё это составляло авиабригаду.

Такова специфика организации высокотехнологической военной части индустриальной эпохи. Были и не высокотехнологические части. Во Вторую Мировую важную роль играли танки, хотя все-таки господство в воздухе превалировало. После Второй Мировой Войны интерес у всех к танкам пропал, кроме тех, кто остался мозгами в той мировой войне. Советский Союз считал необходимым иметь 60 тысяч танков, из них сорок тысяч танков держать в Европе. Вся НАТО имела 11 тысяч танков. Они не этими танками собирались воевать, и

число этих танков сокращалось. Сейчас уже танков как таковых нет, на их место пришли разные автоматизированные системы.

Авиационные, ракетные части в Советском Союзе, то есть всё, что через воздух работало - это были действительно боевые силы, которые можно было в войне применять, скажем, в 80-ые годы. Остальные части (танковые, пехота и прочее), были неприменимы ни в каких боевых действиях, потому что не существовало уже вызовов и не существовало театров, в которых можно было воевать этими частями. Разве что пытаться воевать с Китаем на равных, но тогда получалось, что у Китая этих допотопных ресурсов имеется вчетверо или впятеро больше, так что воевать бы всё равно пришлось не ими.

Что, кроме этих самых авиационных сил у Советского Союза было эффективного? Очень любят рекламировать воздушно-десантные войска. Как показал опыт применения десантных войск в условиях реальных боевых действий Второй Мировой, везде их применение кончалось как минимум очень плохо. Во второй половине XX века, десантные операции были успешны только в тех случаях, когда десантирование шло на пустое побережье, то есть заранее предполагалось отсутствие противодействия противника.

Единственная десантная операция последней трети 20-го века, которая столкнулась с минимальным противодействием, закончилась катастрофой. Я имею в виду десантную операцию Соединенных Штатов на островок Гренада. Это малюсенький островок с 70 тыс. населения, где между собой поругались власти. Премьер ставил на кубу, а вице-премьер ставил на ЦРУ. Премьера по тихому грохнули. Это и стало предлогом для десантной операции США.

Подогнали самолеты, скинули пару батальонов парашютистов. Численность парашютистов была сопоставима с численностью населения этого островка, и никто не собирался сопротивляться. Но на этом острове по контракту работала бригада кубинских строителей. Кубинцы, естественно, в армии служат. У них была нормальная, хорошая призывная армия, где обучали боевому применению того оружия, которое было, а не гоняли на картошку. На американцев у них сработал рефлекс: строители мгновенно добежали до каких-то зенитных установок гренадской армии, расчехлили их и хорошо постреляли по десантирующимся американцам. Потери от этой операции были таковы, что основную ударную часть, которая первой десантировалась, американцам пришлось ликвидировать, личный состав там уже нечем было комплектовать.

Это был крах десанта как самой идеологии, даже если не считать провалы евпаторийских десантов, малые земли и прочее, что было во второй мировой. Десантные войска - это вообще не то, что может быть дееспособно. У СССР были гигантские десантные дивизии. До сих пор у России числится 5 десантных дивизий.

Воюют десантники только один день в году, 2-го августа. Но воюют исключительно против местного населения по месту жительства.

Когда ВДВ попытались применить в Афганистане, пришлось полностью перестраивать структуру частей и соединений. В конечном счете возникли совершенно другие вооруженные силы, под

названием силы специального назначения. Эти диверсионные подразделения стали единственными дееспособными сухопутными подразделениями. Американцы пошли по тому же пути – у них есть диверсионные подразделения, которые дееспособны, а остальные просто что-то изображают.

Это уже реальность вчерашнего и позавчерашнего дня. Каковы будут дееспособные подразделения, которые сложатся к устойчивой фазе войны, когда будут отстреляны все старые боевые средства, и начнется война тем, что может реально воевать? Это будет тоже 2 вида частей.

Во-первых, высокотехнологические части. Если высокотехнологической военной силой в 20-м веке была только авиация, то сейчас это будет автоматическая авиация и наземные силы, но уже организованные именно как высокотехнологические. Во-вторых - это небольшие диверсионные и антитеррористические подразделения. У них основной ударной силой будет живая сила, укомплектованная весьма и весьма специфическими комплектами оружия, включая портативное ядерное оружие. Эти крайне небольшие по численности и обладающие гигантской ударной мощностью диверсионные подразделения будут составлять вторую часть реальной боевой силы. Всё остальное - полицейские части, как в России внутренние войска (но это для терроризирования населения на уровне феодальных образований).

Единство производственного и боевого процесса

Рассмотрим организацию боевой силы, которая опирается на высокотехнологическое оружие. Я уже говорил, что война ведётся прежде всего кибер-системами. Войну ведут кибер-центры без участия человека, потому что человек не может вмешиваться в оперативное управление. Он может вмешиваться в процесс управления только на стратегическом уровне. Человек

нужен будет только как стратег.

Как будут организованы обслуживание, снабжение и прочая поддержка боевого процесса? Боевой процесс неизбежно оказывается совмещен с производственным процессом. Если в XX веке мы видели подразделения для боевого процесса и процесса технического обслуживания (ремонта, регламентных работ и так называемого вторичного производственного процесса), то теперь и первичный производственный процесс оказывается интегрированным в систему боевого применения.

Производство оружия теперь уже неотделимо от его боевого применения. Раньше это были разные процессы, то сейчас - это один и тот же процесс. Люди, которые осуществляют производство и максимально быструю модернизацию вооружений, опираются на тот боевой опыт, который идет здесь и сейчас. Они должны принимать и реализовывать решения по модернизации вооружения мгновенно. Кто может интегрировать инновационный процесс с процессом боевого применения, тот и имеет перспективу, шансы на победу. **Модернизация и производство новых вооружений становится частью боевого цикла.** Кто быстрее произвел и пустил в действие новое модернизированное оружие, тот и на коне.

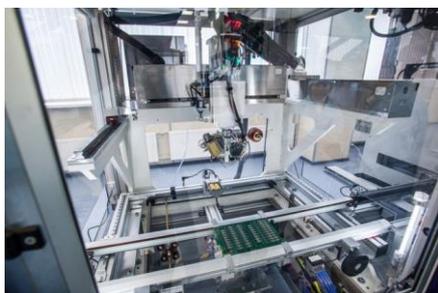
Технологические основы производственно-боевого процесса

На чем эта технология будет основана? Сейчас происходит переход от автоматизации программирования к автоматизации проектирования микросхем. Процесс проектирования микросхем давно автоматизирован, но вопрос заключается в том, чтобы сам синтез этих микросхем стал автоматическим.

Микросхема сегодня становится аналогом программы. Чем дальше, тем больше непосредственно на уровень железа интегрируются алгоритмы и другие

управляющие конструкты, которые в эпоху компьютеров реализовывались программным кодом. Теперь эти алгоритмы должны реализовываться непосредственно микросхемой.

Раньше те, кто разработал новый процесс, описывали этот процесс алгоритмом, затем отправляли в Бангалуру, где кодинг-манки переводили его в форму программы. Эту программу загружали в процессор, и компьютер её отработывал. Это - технология вчерашнего дня. Кодинг-манки работают долго и с ошибками, их присутствие гарантирует сбой цикла. Это поставило на повестку дня автоматизацию синтеза программ. Сегодня тот, кто создал описание нового процесса, запускает его в систему автоматического кодирования, и она его перекодирует в программу. Эти системы написаны на средствах искусственного интеллекта, в терминах описания сред и целей и т.п. Они и генерируют какой-то объектный код, который выражает управляющий алгоритм.

Это тоже уже - день проходящий. Следующий этап - это когда будет генерироваться не объектный код, а непосредственно аппаратная реализация данного разработанного процесса. **Технологический мейнстрим сегодня - это переход от ориентации на производство универсальных компьютеров и программ к производству микросхем-программ.** Каждая программа, каждый управленческий процесс будет реализован на аппаратном уровне. **Процесс проектирования микросхем заменяет в сфере производства сложной техники процесс программирования.** Мы создаём программу-микросхему под каждый процесс, которым мы должны управлять. Чем дальше, тем быстрее мы должны это делать. Поэтому задача состоит в том, чтобы автоматизировать процесс проектирования таких микросхем.

Производственный центр будет разрабатывать процессы управления, модернизировать боевые процессы и формировать непосредственно технику и системы управления этой техникой, которая реализует разработанный модернизированный боевой процесс. Следовательно, **проектируется боевой процесс в целом**, затем проектируется под него техника, затем проектируется под него **на аппаратном уровне** система управления. Всё это мгновенно реализуется уже автоматическим производством, и прямо с конвейера, из-под 3d принтера или ГПС-ки идет в бой. Это и есть цикл боевого процесса.

Мы видим, что боевой процесс является калькой производственного процесса. Из него вытекает **суть новых экономических отношений.** Бизнес эпохи

реиндустриализации - это бизнес, основанный на таких производственных циклах. Производственный цикл и боевой цикл - это практически одно и то же. **Производственные отношения определяет организация производства, организация частей, организация снабжения, то есть вся военная организация.**

Ресурсы для производства новой техники невелики по массе. Это - не массовые ресурсы - некоторое количество композитных материалов, некоторое количество сырья для производства микросхем. Нужны дорогие, но зато в небольшом количестве, редкоземельные металлы. Сами производственные процессы могут быть отнесены к разряду нанотехнологий.

В России ни кто не знает, что такое нанотехнологии. Знают, что есть какие-то графеновые трубки, народ считает нанотехнологиями экономические лампочки. В реальности нанотехнологии - это технологии формирования этих самых микросхем, изделий из композитных и новых материалов. Это требует небольших по объему ресурсов, очень небольших объемов энергии, очень небольшого по объему и размерам производственного оборудования. А вот интеллектуальная составляющая продукта составляет 99% его добавленной стоимости. В результате **производственные базы оказываются очень невелики и включены в систему боевого применения.** Производство военной техники, разработка боевого процесса и боевое применение сливаются теперь в один процесс.

В XX веке это были различные процессы. Во Второй Мировой с одной стороны была промышленность, с другой стороны - фронт. Одни занимались производством, другие - боевым применением. Эта система осталась в наследство после второй мировой. В США до сих пор есть военно-промышленный комплекс, и есть боевое применение. В России, кроме сталинского ВПК, ничего другого нет. Его периодически пытаются реанимировать, на его базе решается вопрос, есть ли жизнь после смерти. Этим сейчас занят товарищ Рогозин. После смерти гальванизировать можно, но жить это не будет.

Там где мы видим реальные процессы боевого применения, например в Израиле, уже соединяют боевую и производственную составляющие, но и они пока в начале этого пути. У Израиля сейчас единственная постоянно воюющая армия, поэтому им это приходится делать. Они это делают интуитивно, еще не отрефлексировав. Стратегического мышления там тоже не везде хватает, но процессы уже идут в том направлении, которое мы предвидим.

Военная каста

Кто же способен вести современную войну? Разумеется, военные. В эпоху массовых армий понимание, кто может быть военным, в значительной мере стёрлось. Сегодня война – дело небольших силовых организаций, и в этих организациях лишним людям места нет.

В СССР было огромное количество военных институтов, которые на самом деле были инженерными ВУЗами. Большая часть учреждений высшего образования министерства обороны были не военными, а инженерными вузами. Там каким-то образом изображалось что-то, относящееся к военному делу - допотопная шагистика, какие-то военные приемы, но по сути это были инженерные вузы. Оттуда выходили ребятки с высшим инженерным, им вешали среднее военное.

Что такое среднее военное образование? Пацанчик, который умеет быть командиром. Из ребят, которые выходили из этих училищ, получались по большей части такие командиры, как из меня балерина. Лохи лохами, вежливо говоря. Им вешались погончики. Отличить по мундиру, где лоховатый инженер, а где правильный военный, было невозможно. Даже на уровне отдела кадров это была не до конца отличимая процедура. Касты военных командиров не было.

Пытались сделать какие-то элитарные войска, например ВДВ. Там пытались применять украденные из американской кастовой армии методы накачки боевого духа. Но реально это были просто-напросто колхозники, которых научили играть в Зарницу. Колхозники – это в лучшем случае. Самые лучшие десантники были как раз из колхозников. То, что было из городов - это было... ну, махновская армия была лучше. Если хотите посмотреть, что из себя представляют советские-постсоветские десантные войска - прогуляйтесь по Москве второго-третьего августа.

Внутри ГРУ была попытка выстраивания военной касты. Были правила, которые действительно должны быть у военных. Были боеспособные подразделения, которые были способны осуществлять реальные боевые операции. Были пацанчики, которые понимали, что надо делать, как надо делать. Это были реальные военные, которые представляли собой военную касту.

Проблема СССР заключалась в том, что отсутствие реального кастового воспитания было не только на уровне низовки. Оно было и на уровне командования. Личный состав скажем генштаба, служб министерства обороны - это больше похоже на

гражданские учреждения чем на то, что из тебя должны представлять военные структуры.

Всё это - результат естественного разложения армии, которая не соответствовала по своей организации реальной структуре вызовов, технологий, и вообще реальному образу жизни, который сложился. Она превратилась в нечто, ставшее имитацией армии. Дошло до того, что система ПВО вела какого-то пацанчика на любительском аэропланичке от самой границы, и никто не дал приказ его сбить только потому, что в это время был главнокомандующий на даче. Как будто на даче у главнокомандующего нет спецсвязи... Вдруг выяснилось, что в этой огромной неповоротливой армии никто на себя не берет никакой власти и ответственности. После этого стало ясно, что такая армия просто не нужна. Даже самые лучшие советские генералы, которых я знал (скажем, генерал Варенников, который обладал исключительной для этой среды способностью командовать, брать на себя ответственность), даже они в сложных ситуациях не были готовы идти на риск переламывания ситуации, как показала история августа 1991-м года.

Для новых военных структур будет очень важным провести правильное разделение между инженерно-техническим персоналом и военными, которые занимаются стратегией и боевым применением. Очень важно понять, что **у инженера погон быть не должно.**

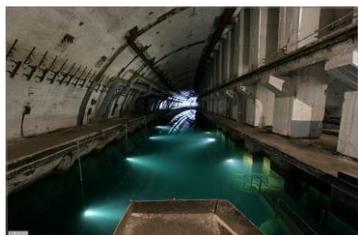
В военно-промышленном комплексе СССР у всех генеральных конструкторов были погоны таких размеров, что когда приходил представитель заказчика, ему можно было этим погоном глотку заткнуть. В Генштабе понимали, какое нужно вооружение. Но приезжает на соответствующую фирму представитель Генштаба и начинает объяснять, что ему надо. Генеральный конструктор говорит «нет, тебе надо вот это». А как я буду спорить с генеральным конструктором, когда я полковник, а он генерал-полковник?

В результате качество вооружения катилось по наклонной. Часто делали вещи хорошие, но не те, которые нужны. Когда началось реальное боевое применение в 90-е годы, пришлось всю эту советскую технику в лучшем случае модернизировать. Какую не модернизировали – всю списали.

Военную касту и инженерный персонал необходимо четко разделить. В маленьких консорциях кажется, что всё можно делать по-дружески. Но если не разделить, лезут проблемы. **Инженерно-технический персонал должен заниматься своим делом и не влезать в вопросы боевого применения.** Здесь важен совершенно другой подход, важна воля. А воля - это интуитивное знание, что надо делать.

Абсолютная уверенность в своей интуиции и готовность рисковать, готовность продавливать свое решение - то, что необходимо для военной касты. **Ребята, которые рискуют по-настоящему, управляют рисками, играют в риски – это военные. Остальные – не военные.** Если этого не понять, будет тот же крах, что у СССР и у советской армии.

База и элиты

Важнейшим вопросом для постиндустриальной боевой части оказывается вопрос базирования.

Допустим, ты сделал такую систему, где-то в подвальчике установил производственные мощности, посадил группу пацанчиков, которые грамотно синтезируют боевые процессы, организуют проектирование, выдают на гора боевую технику. Дальше ты начинаешь применять эту боевую технику. Вскоре тебя вычислили, пришел лесник - всех разогнал. Поскольку будут уже не шутки, лесник не будет разгонять, а просто всех покоцает.

Главный вопрос в данном случае - вопрос скрытности базирования, а это уже вопрос непростой. Решить вопрос скрытности можно, но нельзя его решить абсолютно. Поэтому встает вопрос обороны. Значит, выжить может только база, которая обладает **критической массой, необходимой для самообороны**, для выживания. Она, конечно, не так грандиозно и монстроподобна, как, скажем, авиабаза двадцатого века, но и маленькие террористические группы крайне уязвимы. Где-то посередине этого лежит некая устойчивая военная организация, устойчивая военная база.

Этот критический масштаб очень быстро определится (остальные не выживут), а дальше мы увидим конкуренцию таких военных баз. Некоторые сложатся на базе старых военных структур, некоторые - на базе частных армий, некоторые с нуля будут организованы, но мы увидим эволюционный процесс. В процессе самой войны пойдут процессы зарождения, складывания, формирования, выживания таких военных баз. Мы увидим естественный отбор военных баз, боевую конкуренцию. На этом этапе мы увидим войну всех против всех.

Как будет выглядеть ситуация с точки зрения мирного обывателя? Я обращаюсь к трудам Аси Кашаповой, пишущей под псевдонимом «Беркем аль Атоми», над которой я периодически прикалываюсь на семинарах, но, тем не менее, всем рекомендую её почитать. При том, что там чисто женский взгляд, определенные

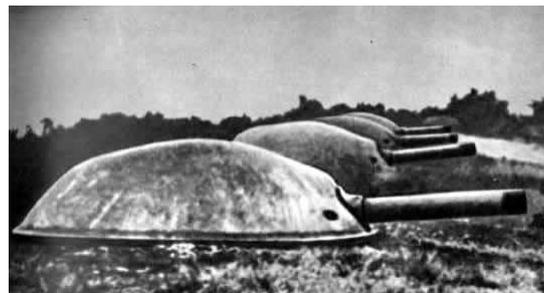
вещи она просекает правильно. Она смотрит с точки зрения человека гражданского, но о некоторых моментах дестабилизации она правильно написала, ибо обобщала реальный опыт своего детства радостных 90-х. Например, что основная опасность будет от милиции, что населению нужно в первые часы успеть зачистить милицию. Чем раньше зачистишь милицию, тем больше народу выживет. Остатки военных старых времен организуют какую-то гражданскую власть. Для войны такие «военные» как раз не нужны, но они пригодятся для организации гражданской жизни. Ментов отстреляют, мир, в котором возможно выживание, будут поддерживать в рамках населенных пунктов. Так и возникнет муниципально-феодалная организация.

В описаниях Аси Кашаповой сделан ряд чисто женских ошибок. Для нее обороняемая база - это средство защиты, средство выживания. Женщина в основном ориентирована на выживание, все ресурсы - на выживание. Отсюда женская ревность в семье, которая нацелена на то чтобы к себе тянуть все ресурсы, чтобы они из семьи не уходили. Если есть шлюха на стороне, то она видит, что из семьи будут уходить ресурсы. Тогда женщина (необязательно это жена, может быть и теща, мамаша) неизбежно начинает скандал по поводу того, что вот тянут из семьи ресурсы, а она этого не может допустить. Это чисто женский подход к делу.

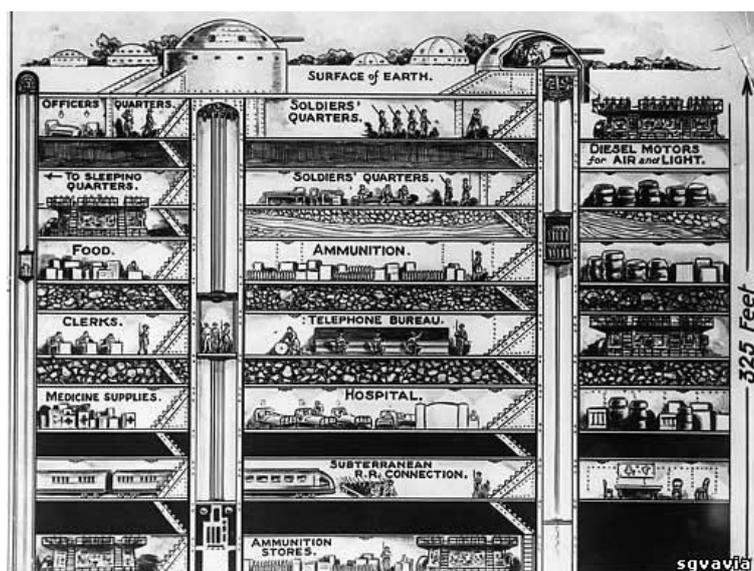
Есть еще мужской подход к делу. Для мужика база нужна, чтобы быть опорой операций. Мужской подход агрессивен, если смотреть с точки зрения чисто тактической, а при стратегическом мышлении он экспансивен. Мужчине база нужна для того, чтобы оказывать силовое воздействие на окружающую среду. Мужчина готов, конечно, думать о вопросах безопасности, но вопросы безопасности для него важны только как вопросы обеспечения экспансии, экспансивных действий. Это и есть представление о жизни настоящих, правильных военных.

Правильный военный смотрит на всё с точки зрения не обороны, а экспансии. Оборона - лишь необходимая составляющая, но любой военный понимает, что оборона не может быть абсолютной. Выиграть ты можешь, только уничтожив противника. Если ты не уничтожить противника, то как бы ты не выстроил оборону, не обложился бы, как Ася Кашапова, минами, или не поставил какие-то средства ПВО - это не работает. Неуязвимых баз нет.

Во все времена военные выбирали, конечно, такие места для базирования, которые обеспечивают наилучшую защиту. До появления пушек это были замки, бургы на господствующих высотках, которые сложно штурмовать и легко отбивать штурмующих. В те времена занимали наиболее выгодное стратегическое положение и держали его. Позже выбирали наилучшие места для линейной обороны, их укрепляли, строили укрепрайоны (к примеру, линия Мажино,

линия Маннергейма, линия Карбышева). Это тоже работало или нет - в зависимости от ситуации. В новой Мировой Войне речь пойдет о том, чтобы обеспечить базирование боевых систем в местах, где они наименее уязвимы, где их тяжелее всего выявить и достать. Это - первая часть проблемы базирования.

Вторая часть - это организация самой обороны, то есть

формирование таких средств обороны, которые очень сильно затрудняют, делают почти невозможным добраться до тушки, которая все это дело крутит. Чтобы не достали глубинной бомбой, например. Вопрос подземного базирования сейчас разрабатывается. Мы разбираем его на наших стратегических играх.

Защита имеет смысл, когда ты защищаешь свою производственную систему, живую силу, которая там сидит. Но если ты сделал такую систему, как Ася Кашапова, чтобы квартиру прикрыть - это за пределами мышления военных. Для того, чтобы обеспечить наступательные ударные действия, это, конечно, будет делаться. В результате появятся места, зоны, очень ограниченные зоны, которые для ударных средств противника значительно менее уязвимы, точно так же, как была крепость в эпоху аграрной цивилизации, эпоху аграрных войн. В этой крепости нормально сидел гарнизон, который ее держал, но когда возникала какая-то существенная проблема, то приходилось всему населению бежать под защиту этой крепости. Кого туда брали? Того, кто с точки зрения ресурсов был хозяину нужен - его могли в донжоне спрятать. Кто был не нужен - всякие пейзажи - они в лучшем случае использовались для защиты стен и жили у внешних стен в земляночках. Большая

часть, которая оставалась вне стен крепости, вынуждена была вокруг крепости строить какие-то валы и защищаться самим. Они же и становились первыми жертвами.

Крепость - это место, где сохраняется элита. Мы увидим повторение хорошо знакомого на новом, более высоком уровне. Будут места, которые будут защищены настолько хорошо, что элита может себе позволить там пристроиться. Но **кто будет элитой** в этих военных условиях? Те, кого туда возьмут - те и будут элитой. Остальные будут мясом, вне зависимости от того, числили ли они себя элитой при прошлом режиме.

Помещики, буржуа, офицеры считали себя элитой при царском режиме. Они стали мясом для резни, как только началась гражданская война. Какой-нибудь Махно смотрит: сидит какой-то старичок в помещичьем доме, имущества много. Имущество забрать, старичка – закопать. То, что было элитой при предыдущем режиме, неизбежно идет на слив, если не успевает заранее вписаться в эти новые консорции, которые будут обладать реальными средствами защиты.

Тактика и стратегия

Средства защиты и средства нападения совпадают. К примеру, против самолета существуют ракетные средства ПВО. Это - военные средства пятидесятилетней давности. В новой войне они не нужны, потому ракеты слишком дороги, а беспилотников много, и они дешёвые.

Обеспечить ПВО против беспилотника может только беспилотник.

Война реально будет идти между базами, потому что относительно остальных это будет не война, а бойня. Базы будут выставлять рои АБПЛА, артиллерийские роботы и обрабатывать ту или иную территорию в порядке воспитательных мероприятий. Если есть какая-то боевая техника на той территории, то за денёк-два она зачищается, после чего осуществляется терроризирование соответствующего феодального образования, пока оно не осознает, что база - его хозяин. Мирное население, феодальные образования становятся ресурсом, над которым путем терроризирования базы устанавливают контроль.

Дальше возникает ситуация, когда между этими базами начинается конкурентная война, конкурентная склока. Везде она будет идти в виде воздушных сражений АБПЛА, и задача воздушного сражения будет заключаться в том, чтобы создать условия для нанесения удара по самой базе.

С воздуха вряд ли можно уничтожить грамотно организованную базу: если она достаточно хорошо заглублена, она и против ядерного взрыва устоит. Базы будут воздушными сражениями готовить условия для проведения операции диверсионных подразделений по зачистке враждебной базы. Главная цель - добраться до тушек, до живой силы противника. Окошечко для успешной силовой диверсии возможно только в условиях сбоя боевого цикла противника. База, которая выиграет эту войну и сорвет управленческий цикл соперника, создает то небольшое временное окошко, когда при хорошем темпе операции есть шанс диверсионной операцией уничтожить базу противника.

Это то, что можно сейчас, когда это еще не началось, говорить о стратегии, о тактике боевого применения, о тактике боевого соперничества. Солидные сочинения о стратегии и тактики возникают не до войны, а после. Задача военной науки заключается в том, чтобы обобщить опыт. В наше время, учитывая скорость развития событий, военная наука становится в таком виде не нужна, ибо обобщенный опыт устаревает еще до того, как его обобщили. Конечно, реальный опыт боевого применения этой войны будет после войны обобщен и описан.

Сейчас я не могу сказать, какие будут нюансы. Те или иные нюансы возможны, их тоже нужно просчитывать. Но эти нюансы, выявятся именно в процессе боевого применения. Тот, кто будет обладать способностью быстрого анализа, собственного и чужого опыта боевого применения, к вычленению из него главного, к быстрой модернизации боевых процессов и технического обеспечения, тот и выигрывает.

Всё это относится к сфере тактики: есть военные базы, есть военно-технические комплексы, на которых они базируются и которые они так или иначе с каждым циклом воспроизводят на некоем модернизированном уровне. Между ними идёт боевая конкуренция. Если прямой боевой конкуренции нет, то задача сводится к обеспечению своего господства над округой путём терроризирования населения, феодальных образований, феодальных властей, их подчинению своей воле.

На уровне тактики достаточно быстро станет ясно, что две базы имеют вполне серьёзные шансы замочить одну, а три - тем более. Встанет вопрос выстраивания неких коалиций. В лучшем положении окажутся базы, которые для своих конкурентов окажутся в пределах затрудненной досягаемости – например, на океанских островах. Расстояние будет играть в их пользу. Расстояние является не абсолютным, а относительным преимуществом, но которое при грамотном подходе может превратиться и в абсолютное. Те, кто будут базироваться на океанских островах или внутри Хартленда, будут иметь преимущества неуязвимости, но с

точки зрения контроля ресурсов они не будут иметь преимущество: в таких местах с ресурсами плохо.

Есть, конечно, острова, на которых хорошо с ресурсами. В сибирской тайге тоже есть места, которые очень хороши для организации такой базы, но ресурсы там откуда брать? Если заранее об этом подумать, можно хорошо развернуться. Потенциальных ресурсов там есть достаточно много, просто не хватает людей и производственных структур. В этом случае придется уже организовать более широкие производственные процессы, поставляющие те ресурсы, из которых формируется боевая система. Вообще говоря, эти проблемы решаемы во всех местах, и на севере, и на юге, и в глубине континента, и на островах. Даже можно пытаться и города защищать. Возможны разные расклады. Подробности мы будем пытаться анализировать на наших стратегических играх.

Для каждой такой базы очень важны вопросы снабжения. А оно будет идти воздухом. Всё происходит в воздухе. Сегодня мы уже ушли от классического геополитического расклада на талласократию и теллуократию, когда противостояли те, кто ориентируется на морские военные торговые технологии и те, кто ориентируется на сухопутные производственные и военные технологии. Теория адмирала Мэхена и Мэкиндера постулировала, что теллуократия держит Хартленд а талассократия держит острова, базируется на островах. Между ними есть некий Римленд за который они воюют, то есть прибрежная зона от моря в глубину, доступную для операций морской силы. Вся история с точки зрения геополитики это конкуренция этих двух сил.

Теперь на место этих двух сил становится новая тотальная сила, которая будет контролировать ход истории – АЭРОКРАТИЯ. Она и станет господствующей силой постиндустриальной эпохи.

ЛЕКЦИЯ 6: ВОЙНА КИБЕРЦЕНТРОВ

Мы сейчас переходим к фазе ре-индустриализации, пиар уходит в инфраструктуру. Сейчас мне придется посмотреть на вещи более широко, и вследствие этого сказать вещь крайней парадоксальную. До сих пор все так называемые социологи утверждали, что мы входим в информационное общество, и господствующим классом этого общества будут те, кто управляет информационными потоками, ведут информационные войны. Нам рассказывали, что нетократия, корпоратократия, постиндустриальные производители будут заниматься информационными войнами и информационным производством.

К сожалению, это – всего лишь некритическое пролонгирование современных тенденций. Информация стала базовым ресурсом не в XXI веке, а в XX. В конце 70-х годов прошлого века информационное общество дошло до стадии кибернетической цивилизации.

Этот переходный процесс уже сейчас закончился. До сих пор активно шли информационные войны. У кого была лучше информационная технология, пиарная технология, технология логистического управления, организационная технология, в общем, все эти информационные технологии, тот и выигрывал все эти неявные сражения. Всё происходило под ковром. Мы видели только верхушку айсберга. Мы видели эпоху информационных войн.

Нельзя сказать, что СССР стал жертвой информационной войны, он-то как раз стал жертвой процессов внутренних, а не внешних. А вот Югославию погромили красиво и у всех на глазах при помощи информационных войн. Каддафи и прочие герои проиграли именно информационные войны.

Сейчас уровень владения информационными технологиями везде выравнивается. Поэтому преимущество в этой информационной технологии исчезает. **Информационные технологии уходят в инфраструктуру.** В ближайшее 12-летие основные деньги будут делаться не на информационных технологиях, и основные военные успехи будут тоже не в сфере информационных войн. Социологи за будущее выдают прошлое, а точнее - настоящее, которое с непередаваемой быстротой становится прошлым.

В реальности мы живем не в информационной цивилизации, мы входим в **постинформационную** фазу. На каких процессах, на каких ценностях, на каких ресурсах будет выстраиваться новая цивилизация? На каких технологиях будут делаться деньги, на каких технологиях будет строиться война, на каких технологиях и ресурсах будет строиться власть? Это - ключевой вопрос современной социологии и политологии. Но академическая наука способна лишь до блевоты пережевывать объедки практиков полувековой давности.

Кибервойна: предыстория

Мы входим в эпоху кибер-войны. Основной вопрос - что же такое кибер-операция, гражданская или военная?

Вопрос этот возник не сегодня. На уровне фундаментальной науки он обсасывался давно. Кибернетика, не как наука, а как мем массовой культуры (если иметь в виду что сам термин стал популярен с появлением известной книжки Н. Винера)

возникла в недрах военного ведомства. Книжка Винера обобщала его опыт работы на Пентагон во время Второй Мировой и после, то есть 70 лет назад. Этот 70-летний давности опыт Винер и обобщил книжкой «Кибернетика». По большинству своих представлений о реальности она уже давно устарела, потому что это была не столько теоретическая книжка, сколько манифест массовой культуры. Точнее даже не массовой, а просто культуры, ибо книжка сия - скорее культурный объект, чем научный.

Книга Винера задала определенную идеологию, определенный образ мыслей. Все 60-е годы прошли под лозунгом развития кибернетики. Никто тогда особо не понимал тему, обсасывали управление, процессы, как что-то оптимизировать. В американском военном ведомстве все понимали, что это важно, что надо внедрять управленческую технику. Возникла фирма IBM - филиал военного ведомства -

которая 70 лет занимается пристройкой на гражданке результатов военных исследований, как позже и филиал IBM, фирма Microsoft, филиал АНБ фирма Google или филиал ФБР Facebook.

Понимание технической стороны дела было абсолютное. Но не было ясного понимания, к чему приведет внедрение всего этого счастья, к чему приведет вызванная этим перестройка общества. Но в 70-е годы прошлого века в России возникла концепция современного процесса управления, и соответственно современной войны. Она была основана на двух вещах.

С одной стороны, есть машины, в перспективе - роботы, которые решают все эти вопросы. Роботов тогда еще не было, поскольку не была создана эффективная элементная база. Но уже на той элементной базе создавались машины и вставал вопрос - как же они будут управлять ситуацией? Вся эта дурацкая концепция АСУ в стиле Побиска, строилась в расчёте на то, чтобы взять весь тот бардак, который есть в сфере управления, и все разом переведет на язык программирования, в результате получится АСУ.

В реальности же **внедрение автоматизированного управления**, я уже не говорю про автоматическое, **требовало изменить характер бизнес-процессов**, или, как тогда говорили, производственных процессов. Фундаментально менялось положение человека в управлении. **Человек не способен сопровождать и обеспечивать процесс принятия решений в реальном времени**. Становилось ясно, что меняется характер процесса управления, и характер процесса планирования, перехода к действию.

Эти вопросы поставил перед собой и активно исследовал профессор В.И.Варшавский. Я рекомендую для прочтения популярную книжку В.И.Варшавского и Д.А.Поспелова «Оркестр играет без дирижёра», отражающую их взгляды на вещи 70-х годов прошлого века. Авторы описывают ситуации и подходы, в рамках которых автоматика самоорганизуется.

В центре исследований В.И.Варшавского находился процесс **самоорганизации** автоматике. Рядом с ним во весь рост вставал главный вопрос – где тут место человека? Во что превращается управленческий цикл, точнее сам бизнес-процесс, военный процесс, производственный процесс? Во что превращается процесс в мире, где автоматика нашла свое место?

Варшавский тогда никак не мог это всё вписать в те государственные программы, которые были в СССР. Маразма в СССР хватало. Глушкову нужно было внедрять американскую технику под АСУ, которые просто отражали советский бардак,

который уже был, и не пытались ничего перестроить. В гражданский сектор было не вписаться, в Госплане к тому времени господствовал маразм в чистом виде. Косыгин уже был при смерти, и ни о каких нововведениях не мечтал. Варшавскому стало ясно, что если он и может где-то это внедрить, то только в военном ведомстве, и он стал разрабатывать концепцию современной войны. Дальше я расскажу, что из этого получилось.

«Красная звезда»

В основе теории войны В.И.Варшавского стоит так называемый пятичленный киберцикл Варшавского, который получил тогда кодовое название «Красная звезда». Графическое изображение процесса выглядело как пятиугольник, где есть некоторые дополнительные внутренние связи, там возникает некая пентаграмма. Это чисто графическое представление стало символом и дало рабочее имя процессу.

На Западе военное искусство предусматривает с одной стороны тактику (непосредственно бой в составе частей и соединений), а с другой - стратегию (общее управление театром военных действий). В советской военной школе есть еще третья составляющая – так называемое оперативное искусство. Тактика - это управление, описание процессов боя частей. Стратегия - это управление всем театром военных действий. Оперативное искусство описывает управление на уровне конкретной операции. Корпус, несколько корпусов, армия, группа армий, которая называлась фронтом – уровень оперативного искусства.

Эта схема возникла на опыте первой мировой войны, она была достаточно хорошо Шапошниковым развита. Для формального описания операции Варшавский и разработал этот самый цикл. Он начинался с некоего сбора информации, и были прописаны, формализованы процессы сбора информации. Следующий этап – это выстраивание контекста, контекстуализация этих данных, анализ, осознание. То есть выстраивался образ войны, образ театра военных действий, образ оперативной обстановки на том уровне, на котором разрабатывается план.

Формирование образа оперативной обстановки было очень важно. Здесь формировалась диалектическое единство, взаимодействие между образом, идеей театра военных действий, и, с другой стороны, самим театром военных действий. Соответственно, через процесс этого сбора информации и оперативного установления адекватности, между ними поддерживалось диалектическое единство, но при этом они оставались некими противоположностями друг друга. На базе этого концепта, контекста осуществлялся процесс планирования. Как?

Допустим, есть некая достаточно сложная формальная модель театра военных действий. При помощи эвристик она оптимизировалась, и находились какие-то фундаментальные ходы, которые и составляли военный план. На базе этого плана и принималось решение. Роль человека была важна на втором этапе, где формировался образ театра военных действий, и на четвертом этапе, когда принималось решение. Пятый этап – это исполнение решений.

В процессе исполнения решений возникала новая информация. Это возвращает нас опять на первый этап; приходит информация, и этот цикл повторяется снова и снова. Происходило развертывание цикла по «красной звезде», возникала некая спираль, которая приводила в несколько итераций к решению боевой задачи.

Что здесь было нового, по сравнению с процессами управления во Второй Мировой? Во Вторую Мировую эти процессы были очень медленными, они не были автоматизированы. Всё делалось, грубо говоря, вручную: отработала разведка, сводные отделы сводят данные разведки, занимаются критикой, проверкой, как таковое формирование образа театра военных действий не происходит, возникает какой-то прото-образ, разрабатывается военный план без особого учета того, что делает противник. Иногда возникает какой-то действительно гениальный полководец, который чисто на интуитивном уровне просекает, а какой будет план у его противника. Поскольку уже есть опыт войны с этим противником, и он для себя, на уровне интуиции, сформировал, что будет делать тот главнокомандующий. Как Сталин умел интуитивно предсказать, что будет делать с той стороны немецкий фельдмаршал. Благодаря этому он срывает план, и идет выигрыш. Это всё было очень долго. Военный план был продуктом нескольких месяцев, его реализация - практически весь военный сезон. Чтобы пройти 5 циклов, надо пройти 5 лет.

Так разворачивалась война в середине прошлого века. Автоматизация резко ускорила этот процесс. Но количественный рост всегда означает качественный переход. В 70-е стало ясно, что если планирование раньше требовало нескольких месяцев, то теперь недели, даже дни - была бы информация нормальная. Разведка уже стала электронной, а не войсковой, и на порядок быстрее стала работать. Дальше идет анализ данных электронной разведки, выстраивание контекст-плана, контекст-образа, театра военных действий, и дальше уже можно переходить к планированию.

Тот, кто способен быстрее осуществить этот процесс, то есть у кого цикл «Красная звезда» был короче по времени, тот и выигрывал. У кого один виток этой спирали занимает меньше времени, тот успевает все время сорвать планы своего соперника. Если ты провернул один цикл быстро, и уже начал формировать другой, то

получается, что противник вначале отстает на уровне формирования плана. На следующем витке он отстает на этапе исполнения плана: когда ты уже приступил к исполнению, у него еще бездействие. Когда он уже начинает собирать информацию о той катастрофе, которая стала следствием удара и его бездействия, ты уже за это время еще раз обернулся и пускаешь в действие план добивания. Речь шла о том, что ускорение процессов позволит окончательно разгромить противника.

Это не нашло достаточно понимания в советских военных кругах, это оказалось слишком сложным для тогдашнего военного советского руководства. Единственное, что заставляло их хоть немного к этому прислушиваться, это доклады разведки, что американцы разрабатывают кибер-войну, у них все этим занимаются. Поэтому признавали, что типа и нам бы надо эту кибервойну, где-нибудь в XXIII веке там... Делайте, ладно, может пригодиться. Вот такая была позиция.

К концу 70-х возникла необходимость в военной реформе, и если бы эта военная реформа была проведена, то СССР получил бы в начале информационной эпохи современную, мощную кибер-армию, которая была бы не просто непобедимой, но и способной решать любые задачи. Такая армия решила бы афганский вопрос за пару месяцев. Любые другие вопросы, которые возникали бы, она бы быстро решала скоростными кибер-операциями. Поскольку СССР такой армии не создал в связи с неповоротливостью политической и административной системы, афганская война показала неэффективность его военной организации, что сделало неизбежным распад также и гражданских структур.

Цикл Бойда

В США понимание необходимости построения автоматизированной армии в 80-е годы уже было. Потом произошел известный крах СССР. Произошел он без всякой войны. В процессе этого краха достаточно постаревшие сотрудники Варшавского начали разбегаться. Интересовал их прежде всего Бостон, Массачусетский технологический институт. Уж очень хотелось там получить кафедру.

И вот один из ближайших сотрудников Варшавского оказывается в 1990-м году в Бостоне. Поскольку ему нужно каким-то образом продвинуться и делать карьеру - человек уже немолодой, кафедра или сейчас, или никогда - он решил эту самую «красную звезду» продать Пентагону, и сделать себе на этом карьеру.

Он очень быстро нашел заинтересованных поделщиков в МТИ, у которых были те же самые соображения. На этом он хорошо вписался в профессорскую тусовку,

умеющую разрабатывать золотую пентагоновскую жилу. Они и продали Пентагону концепцию кибервойны.

Пентагон оказался крайне восприимчив к этому потому, что там сами эти идеи кибер-управления просто витали в воздухе со времен Второй Мировой войны. Все понимали, что информационная эпоха уже началась, информационные войны уже шли, и нужна была реальная технология. Там сразу поняли, что предлагается, наконец, та самая технология.

Но Р. продал эту технологию не в чистом виде, а с некоторой адаптацией к американской ментальности. Он в неё включил только то, что посчитал для американцев понятным. Если бы он стал им предлагать то, что смотрелось бы слишком заумно, его могли отодвинуть. А он очень хорошо помнил, как настрадался его шеф от тупости советских вояк.

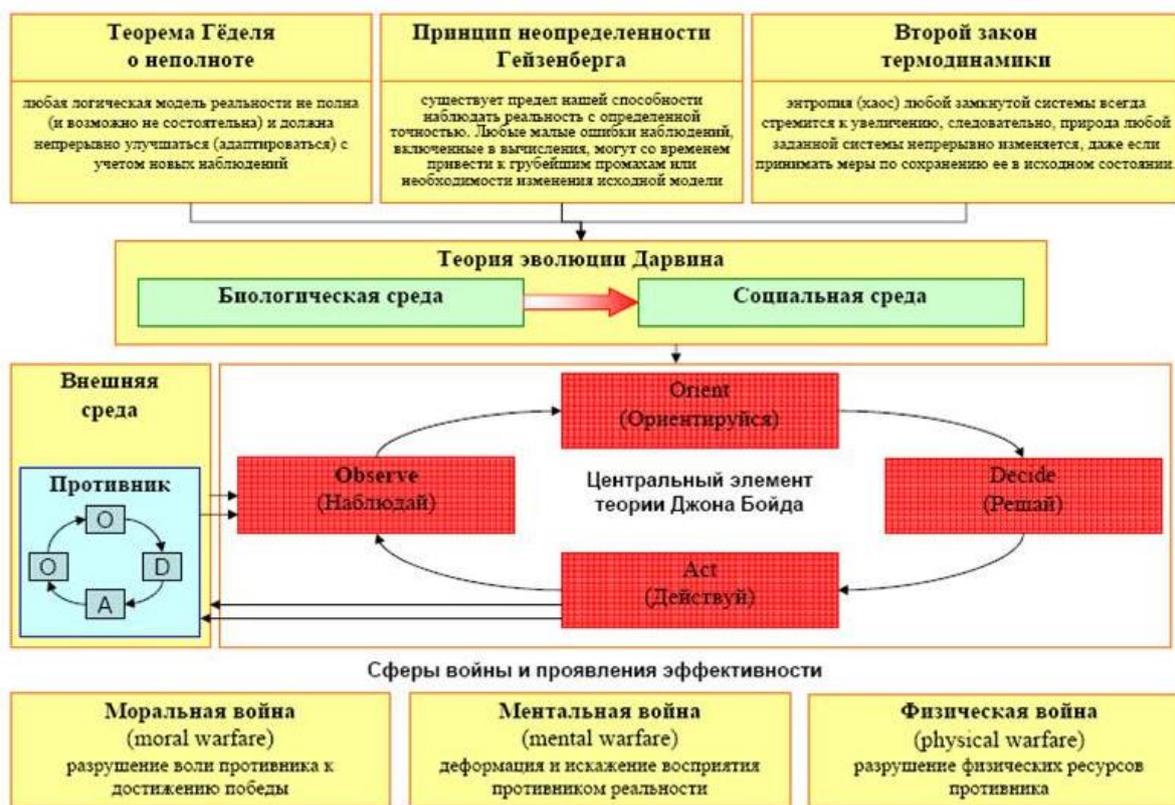

Рис. П.1.2. Логика обоснования цикла военной деятельности OODA

Так возникла «новая» теория военного киберцикла, из которой был выброшен главный базовый процесс - диалектический процесс формирования образа операционного театра. Это оказалось легче, чем объяснить американским военным, что такое формирование образа операционного театра. К тому же, описание этого процесса было сформулировано исключительно в терминах диалектического материализма, а продавать американцам диалектический материализм в 91-м году казалось не слишком перспективным делом. Переформулировать теорию в более

близких покупателю терминах оказалось на порядок сложнее, чем просто выкинуть этот этап.

Так возник так называемый квартет. Первый этап – сбор информации. Вторым этапом – ориентация, от сбора информации сразу же переходим к планированию. Формирование планов, потом некая оценка этих планов. Затем – этап оптимизации, где применялись многочисленные эвристики, все разработки Ботвинника и других школ. Дальше этап решения, и дальше этап **действия**.

Это – интересное отличие американской концепции от исходной. Потому что в советской терминологии это этап **исполнения**, а в американской – этап **действия**. В чем разница – в том, что в советском подходе принимают решения одни, а исполняют другие, а в американском принимают решения и действуют одни и те же люди. Это очень существенно.

Так возникла новая технология войны. Ее Пентагон очень грамотно внедрил в военную среду, в лучших традициях эпохи пиарных технологий.

Представьте: военная каста очень замкнута, люди достаточно консервативны, и вдруг их начинают донимать математической теорией, достаточно глубокой, абсолютно новой, требующей нового мышления. Даже если бы к ним пришли их командиры, то их бы послушали кисло, и вежливо забыли. Поэтому важно было грамотно отпиарить, грамотно внедрить. Это то, что в СССР никогда не умели – объяснить новые идеи собственно военной касте.

Была проведена мощнейшая PR-кампания. Ее поручили самому харизматичной из пиар-фигур Пентагона. Это суперпиарщик был отставным летчиком, героем то ли Второй Мировой, то ли Корейской войны. Действительно героический летчик с хорошим именем, с очень хорошо подвешенным языком. Он начал пропагандировать этот цикл. Звали его Джон Бойд. За несколько лет он прочел 1500 лекций, или, как это в США называется, презентаций. Этим он довел практически чуть ли не до каждого лейтенанта новую идеологию.

Так возникла в 90-е годы совершенно новая военная технология, новое поколение, новый военный уклад. Изменились мозги американской военной касты. На этой базе стала сразу же очень быстро меняться сама военная организация. Стал меняться сам ход ведения войн, они стали чисто информационными, чисто кибер-войнами.

Весь этот квартет, урезанная «Красная звезда», получил название цикла Бойда. Была поставлена задача максимального ускорения, оптимизации цикла Бойда. В результате американская армия стала непобедимой, и получила возможность малыми средствами решать большие стратегические задачи именно за счет того, что

цикл Бойда, цикл принятия решений у них стал в несколько раз короче, чем в любой армии, построенной на представлениях, оставшихся от Второй Мировой. Мир поменялся. Возникла непобедимая американская армия, основанная на цикле Бойда.

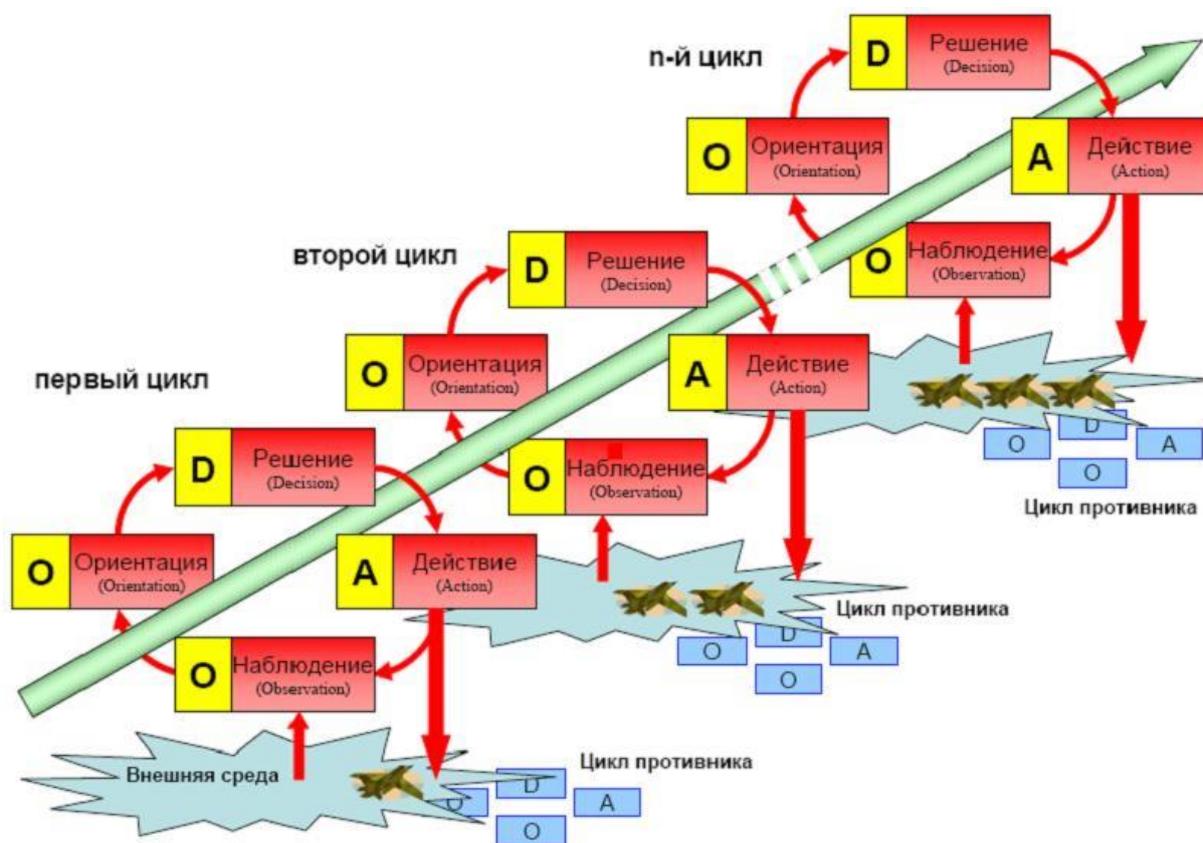

Рис. П.1.3. Многократное «спиральное» повторение цикла OODA

Кибер-центр в военном и гражданском применении

Киберцентр, автоматизированная система принятия решений – то, на чём строится современная военная технология. У кого нет этого кибер-центра – тому в современном мире делать нечего.

В русскоязычной среде сейчас не очень хорошо понимают, что такое кибер-центр. Кроме киберсина, который был у Сальвадора Альенды в 70-е годы и затем его автором, Стаффордом Биром, был очень хорошо разрекламирован, о других кибер-центрах никто не знает. Литературы не было. Но кибер-центры, центры поддержки принятия решений сегодня уже созданы везде. Они являются главным инструментом ведения войны. Без них вся та военная техника, которая есть у современных армий, бессмысленна.

Самое важное в теории и практике современного боевого применения это - скорость и адекватность, повышение скорости и адекватности. Только цикл Бойда, этот информационный кибер-квартет, сегодня обеспечивает успешное применение всех военных средств. Всё остальное - уже гробы поваплённые. Остальное - не армии, а массы для истребления.

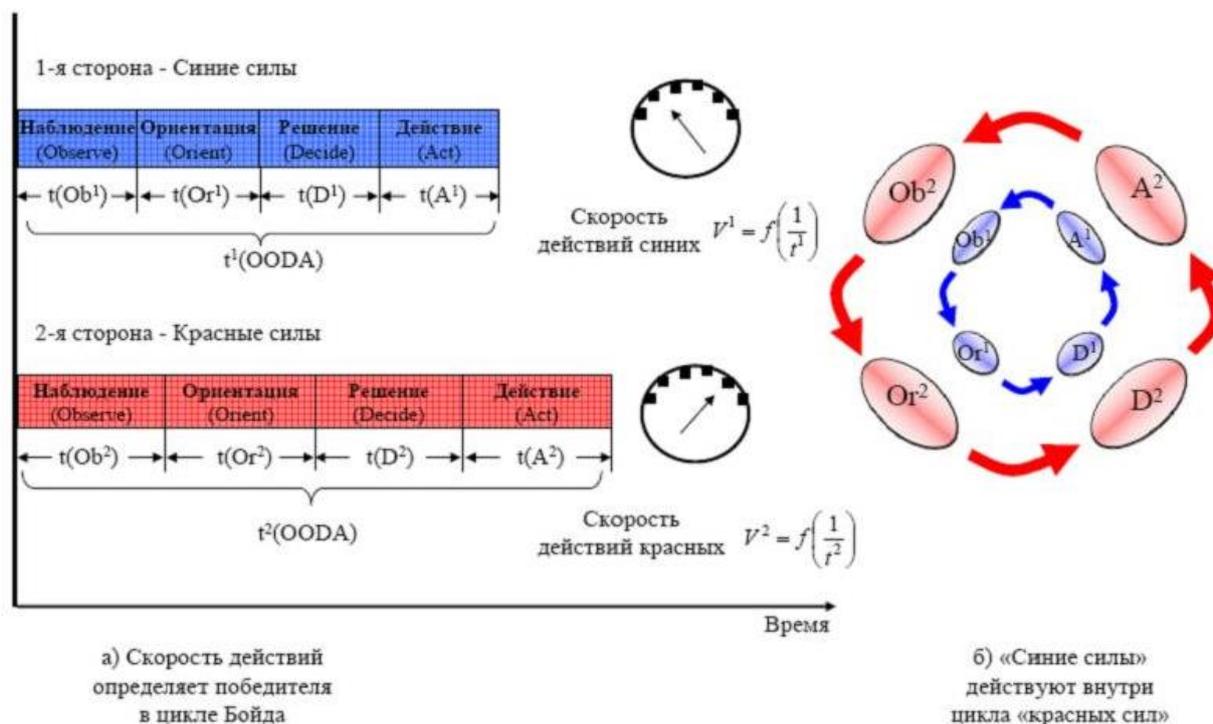

Рис. П.1.5. Графическая интерпретация временных соотношений OODA-циклов для противоборствующих сторон

Конкуренция сегодня идёт в сфере повышения адекватности и скорости работы киберцентров. Если вернуться от цикла Бойда к циклу Варшавского, восстановить его в исходном виде, то по времени он будет мало отличаться от цикла Бойда, но по уровню адекватности управления он его превзойдёт многократно за счет возникновения этой самой диалектической связки между театром военных действий и его образом, через который и осуществляется управление глобальное - не на уровне решений, алгоритмов действий, как в цикле Бойда, а на уровне более охватывающих процедур. Там можно применять любимые процедуры Варшавского и Розенблюма - логическое программирование. И все связанные с этим эвристики, основанные не на алгоритмах, а на формировании выводов в информационной среде.

Это - более мощная технология, она была до цикла Бойда редуцирована, чтобы появилась возможность продать её американцам с их алгоритмическим мышлением. Но, в то же время, сам Варшавский уехал в Израиль. Что он там делал, уже не столь известно. В отличие от американцев, израильтяне не проводят пиар-кампании по

поводу характера своей военной тактики и стратегии. Они предпочитают обсуждать это в очень узком кругу. Поэтому не очень понятно, в какой мере и что там было внедрено. Либо там была внедрена «Красная звезда», либо там внедрено уже её дальнейшее развитие.

Таблица П.1.2

Временные затраты на реализацию НОРД (OODA) – цикла в войнах различных эпох
(на примере США)

	Война за независимость США (1776-1783 гг.)	Гражданская война между Севером и Югом (1861-1865 гг.)	Вторая мировая война (1939-1945 гг.)	Война в персидском заливе (1990-1991 гг.)	Война будущего
Наблюдение (Observation)	Время наблюдения с помощью телескопа и передача информации вестовыми	Время наблюдения и передача информации по телеграфу	Время наблюдения и передача информации с помощью радио или проводной связи	Близко к реальному времени	Реальное время
Ориентация (Orientation)	Недели	Дни	Часы	Минуты	Непрерывно
Решение (Decision)	Месяцы	Недели	Дни	Часы	Немедленно, мгновенно
Действие (Action)	Сезон	Месяц	Недели	Дни	Часы

В 80-е у нас было довольно широкое обсуждение, дискуссия по поводу того, что «Красной звезды» не достаточно, что необходимо её замыкание каким-то процессом супервизинга, то есть более широким стратегическим видением. Предполагалось «КЗ» дополнить эпициклом повышения адаптации образа ТВД. Эпицикл повышал адекватность за счет стратегического супервизинга, не увеличивая время процесса в силу распараллеливания.

Было это там внедрено или нет, я сказать не могу, потому что информации просто нет, кроме информации, что Варшавский последние 10 лет жил в Израиле. По характеру боевого применения, по структуре тех боевых средств, которые сейчас израильская армия заказывает, делает, внедряет, становится ясно, что там всё ориентировано на кибер-войну, что строится кибер-армия в абсолютно чистом виде. Есть полицейские силы, конечно, но армия воюет, во-первых, роботами, во-вторых, она воюет на максимально ускоренных циклах: она в любом бое с противником успевает осуществить боевой цикл еще на том этапе, когда тот только-только осуществил планирование и начинает переходить к реализации. Если там внедрён не

просто цикл Варшавского, но «Красная звезда» с супервизингом, то в этом случае можно утверждать что на сегодня израильская армия - самая сильная в мире. Если там внедрён только цикл «Красная звезда», то это вторая армия в мире.

Сегодня между собой уже воюют эти кибер-центры, кибер-системы, в которых реализовано единство вооружений, структуры, военно-технической стороны и военно-организационной стороны. Эти технические средства можно применять только в рамках этого цикла.

Если у тебя есть роботы - это ускоряет процесс сбора информации, процесс реального времени боя в несколько раз. Если при этом решение принимает некий уважаемый генерал, который принимает его со скоростью, которая на порядки ниже, чем его могла бы принять ЭВМ, то получается, что сидит такой тормоз, и пока он размышляет – его грохнули. Поэтому уважаемого генерала приходится из этого самого цикла выводить. Единственное куда его можно перевести – это на уровень целеполагания, где он задает цели, или на уровень супервизинга, где он своим военным опытом и своей интуицией способен вносить какие-то изменения, уточнения в саму модель реальности, на основе которой действует кибер-центр.

Сегодня задача любой войны в американской стратегии и тактике формулируется как задача максимального ускорения кибер-цикла, и за счет этого - разгром противника. Ты успеваешь сделать больше операций, больше витков спирали, чем он, за одно и то же время. Пока пытается нанести тебе один удар, ты ему нанес четыре. И он упал.

С другой стороны, идеальна ли эта спираль? Для спирали, основанной на «Красной звезде», в 80-е годы стало ясно, что она будет не идеальна, не обязательно идет по идеальной траектории, если её не корректировать. Отсюда и возник этот самый эпицикл супервизинга, который тоже в реальном времени должен управлять оптимальностью траектории.

Автоматизированные, а в перспективе автоматические системы управления войной являются на сегодня главными боевыми средствами, идет война этих систем. Попытка сформулировать противодействие в терминах конкретных ударов, отражений ударов, противодействия оружию – это давно ушло в инфраструктуру. Если ты занимаешься отражением – ты проиграл войну.

Выигрывает тот, кто свою спираль проходит быстрее, за счет ускорения. Это - первый вариант, на который американцы делают ставку, они над этим работают. Второй вариант - победа за счет повышения адекватности. Внедрение цикла «Красная звезда» с его эпициклом супервизинга это позволяет.

При прочих равных, если два цикла равны по времени, то выигрывает тот, который обеспечивает более устойчивую оптимальную траекторию, то есть само направление спирали (ведь оно может идти к победе, а может из-за неадекватности образа театра военных действий отклоняться в сторону). Выигрывает тот, кто выдерживает направление более четко, на каждом цикле. Даже если он отстает, но выдерживает направление более четко, он побеждает: **адекватность оказывается более важным фактором, чем скорость** в этой самой концепции военного применения.

Кроме этого, возможен удар по самому циклу. Мы сейчас переходим на совершенно новый уровень, на совершенно новый этап, когда встает вопрос о срыве цикла Бойда. Сегодня главным условием победы является **разрушение кибер-цикла противника**. Неважно, сколько у него после этого останется военной техники. Главное – дезорганизовать систему. Остаётся лишь добивать, если у тебя система не дезорганизована, а у него дезорганизована. Это вопрос времени, и достаточно короткого. Решающий момент – у кого раньше рухнет система. И вот здесь-то мы уже переходим к совершенно новому подходу ведения войны.

Постинформационный переход

Я уже говорил, что начало мировой войны неизбежно пройдет не так, как этого ждут штабы. Они будут выведены из игры самим развитием процесса. У германского Генштаба в Первую мировую был самый лучший, самый проработанный, за всю историю военной мысли, гениальный план маневренной кампании. План Шлиффена – это классика мировой военной мысли, лучше ничего не было. Но эпоха маневренных войн ушла. Вместо маневренной войны они получили войну окопную, войну фронтов. К этой войне германский генштаб оказался не готов. Там, где была какая-то маневренная война, в восточной Пруссии, там немецкие генералы развернулись вовсю и создали себе репутацию военных гениев. Как только там начался переход к позиционной войне, стало непонятно, что делать.

Наработки германского генштаба проваливались всю Первую Мировую. С этой окопной войной не знали что делать. Зато во Вторую Мировую французы к позиционной войне отлично подготовились, укрепили позиции. Построили гигантскую крепость, пяти-семиэтажную бетонную стену вдоль всей своей границы - много этажей огневых точек. И тут выяснилось, что война стала маневренной. Фриц мимо этой стены прошел.

То же самое сейчас происходит с нынешними главными штабами. Когда война перейдет в активную фазу, неизбежно выйдут из тени, сформируются, проявятся какие-то новые силы, которым не нужно иметь такие масштабы организации, но которые смогут сформировать у себя некий кибер-центр. У них будут военные средства и концепции их боевого применения, эффективные системы боевого управления.

Главное в предстоящей войне – это эффективность системы боевого управления. Она настолько важнее боевой эффективности применяемых средств, что иногда это кажется парадоксом. Можно, используя не очень эффективные боевые средства, при помощи эффективной системы боевого управления выиграть кампанию.

Стабильная фаза Мировой войны - это фаза конкуренции систем боевого управления. Кто сможет создать у себя этот кибер-центр, тот и на коне, тот является активной единицей. Но выигрывать теперь будут не те кибер-центры, которые построены на разработках 70-х годов. И цикл Бойда, и цикл «Красная звезда», и цикл Варшавского с эпициклом – они концептуально основаны на том, что идет **непрерывный процесс принятия решений** и у тебя и у противника, что вы оба находитесь в системе **боевой конкуренции**. Это - конкурентная система. В ней ты можешь выиграть за счет ускорения, либо за счет повышения адекватности своих действий.

Но есть ещё один способ выиграть войну – сорвать киберцикл противника, то есть разрушить сам процесс управления у противника. Именно в рамках этой стратегии и будут воевать между собой группировки периода устойчивой фазы Мировой войны.

Как добиться этих сбоев цикла? Сейчас мы разберём несколько фундаментальных моментов, на которых основываются стратегии разрушения киберцикла соперника.

Для начала порекомендую Вам почитать книжку сирийского балагура, псевдоматематика, биржевого гуру Масима Николаса Талеба «Чёрный лебедь». Талеб там обсасывает вещь, для кибернетиков известную и очевидную, но совершенно непонятную для остальной публики. Он разъясняет, что **наше представление о характере вероятностей в реальности неадекватно**. Как только ты сталкиваешься с практикой, то оказывается, что характер распределения вероятностей описывается не нормальным распределением (то есть Гауссианой), а фрактальной метрикой. Метрика пространства вероятностей изначально фрактальна.

Когда мы смотрим издали процесса, то нормальное распределение оказывается хорошим приближением. Для описания процессов, которые уже произошли, для изучения форм процессов, математический аппарат Гаусса работает, но как только

мы имеем дело с процессом единичных реализаций вероятности, то выявляется совершенно другой расклад. На примере биржевых и прочих случаев Талеб показывает, что на самом деле реализуется не та вероятность, которую мы можем предположить. На самом деле вероятность события, которое нам кажется невероятным, гораздо больше.

Талеб пользуется фрактальной математикой для описания распределений вероятностей и вероятностных процессов по причине отсутствия более адекватного аппарата для исследования дискретных по сути процессов. На краях Гауссиан начинает работать квантование. Там, где массовое скопление - гауссиана даёт хорошее приближение. На краю выплывают даже не нелинейные функции, и даже не фрактал, а не-функции. Когда начинаешь работать на уровне вот этих маловероятных событий – ты должен работать в других алгоритмах страховки и в других алгоритмах реализации.

В качестве отступления скажу, что книжка Талеба мне не нравится: там много лишнего. Много рассказывает о своем детстве, причём рассказывает как типичный представитель под всех прогибающейся ливанской нации, как шлюха умалчивает, что гражданская война в Ливане есть следствие не какой-то там случайности, а вполне определённых и подлых действий сирийских алавитов. У него в Ливане, родственники, вот он и боится назвать авторов этой случайности - вмешательство сирийских спецслужб. Поэтому с горя врёт, что реализовалась вероятность невероятного события. Смешно читать и про его любовь к Мандельброту. Это не относится к делу, просто пропускайте. Важно только общее впечатление относительно этих вещей. С учетом моих замечаний я вам советую эту книжку почитать, это интересная книжка.

Когда для вас станет ясно, что поле вероятностей устроено не так, как это кажется из нашего обыденного опыта, из нашего математического образования, тогда вы задумаетесь, как работать с этими самими потоками вероятностей. А дальше становится ясно, что **ты можешь обыгрывать любого соперника, когда ты более адекватно управляешься с потоками вероятностей**. Обыгрывать на тех крайних случаях, когда он ошибается в своей модели вероятностей, когда он неправильно оценивает вероятности.

Чем дальше от гауссианы – тем в большей степени она есть неадекват, и, соответственно, человеческие представления есть неадекват. Соперник выбрал неправильный алгоритм, принял неправильное решение – здесь ты его и обходишь. Если ты начинаешь обыгрывать соперника на управлении потоками вероятностей, то ты неизбежно за несколько циклов разрушаешь сам его базовый управленческий

процесс. Ты бьешь по параметрам этого процесса. Твоя адекватность относительно поля вероятностей выше. На этом соперник проигрывает, его кибер-процесс разрушается.

Это один из методов разрушения управления - через вероятности.

Есть методы, связанные с так называемой **дебилизацией управления**. Они бьют по человеческому элементу в автоматизированных (но не автоматических) системах управления боем. В основе этой техники - создание такого количества информационных потоков, на обработку которых человеческий элемент принятия решений не рассчитан, не способен. Как только ты научишься бить по человеческому элементу в этой системе, по человеческой составляющей, при помощи создания нескольких разнонаправленных потоков – ты победитель. Есть достаточно много примеров современного боевого применения, они в кругу военных аналитиков известны, там их можно обсуждать. За пределами этого круга сложнее – мало кому интересно.

Это уже относится не к информационной стороне дела. Это уже - **управление потоками на базе интуитивно-диалектического подхода, интуитивно-диалектического метода. Оружие господства правящих классов будущего общества - в способности управлять этими потоками**. Конкуренция сейчас идет в экономической сфере, а в случае столкновения перейдет в военную сферу. В принципе, это одна и та же конкуренция.

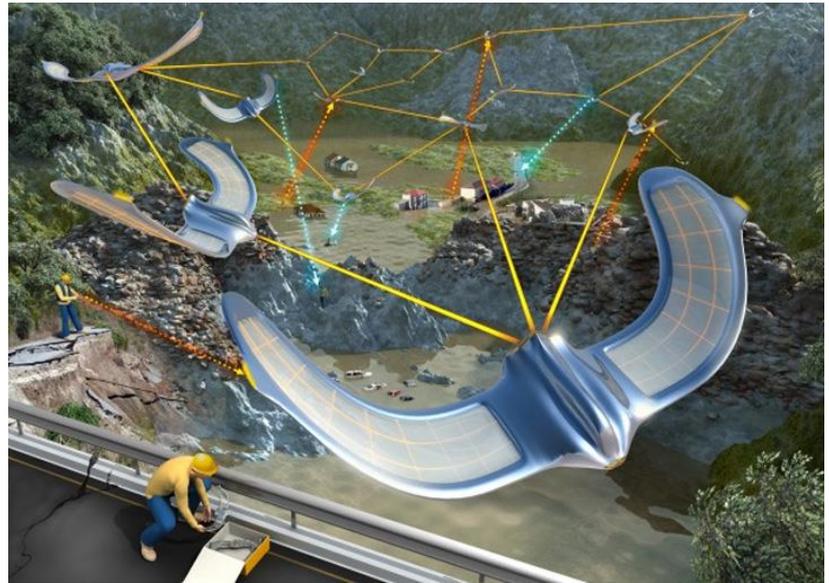
Те корпорации, которые на сегодня имеют кибер-центр, основанный на технологии кибер-сина, либо на цикле Бойда (может, у кого-то есть и основанный на «Красной звезде» с супервизингом), получают возможность ведения силовой конкуренции или, как пишется в учебнике для лохов, «нечестной конкуренции». То есть конкуренции, основанной не на рыночных конкурентных преимуществах, а на внерыночных: возможности контроля потоков ресурсов, возможности контроля потока сознания, возможности контроля потребительского рынка, контроля необходимых для бизнеса ресурсов. И военная, и бизнес-модель предусматривает битву за контроль над потоками ресурсов. Вброшенный мной на моих семинарах 1980х годов тезис «Бизнес – это война» совершенно естественен, потому что бизнес это и есть война, война за контроль ресурсов.

Безинформационные войны

Наше рассмотрение относится к военному делу и к бизнесу в совершенно одинаковой степени. Впереди нас ждёт фундаментальное изменение технологии ведения войны. Сегодня технология ведения войны - это обладание кибер-центром. **Технология ведения войны завтра - это обладание кибер-центром и технологии дезорганизации кибер-центра противника.**

Сегодня **ядро боевого столкновения** - это **столкновение кибер-центров.**

Столкновения на материальном уровне, между средствами боевого применения, есть не более чем процесс реализации вероятностей. Сам план, который формируется и реализуется, носит вероятностный характер, а в

каждом конкретном столкновении боевых средств происходит не более чем реализация тех или иных вероятностей. Если вероятности посчитаны правильно - ты выигрываешь, если неправильно – ты проигрываешь. Ты управляешь этим полем вероятностей. Если ты управляешь, выстраивая алгоритмы боевого применения адекватно, то идешь вперед. Если управляешь неадекватно – идешь на слив.

Это и есть суть современной войны, она же суть конкурентной борьбы. Если с одной стороны есть Газпром, в котором сидят какие-нибудь миллеры с их архаичным, докембрийским мышлением, а с другой стороны ведёт войну корпоратократия, которая использует у себя эти кибер-центры, то для того, чтобы выиграть войну между современной корпорацией и Газпромом, не нужны сами по себе боевые средства. Ходы чисто идеологического характера способны сами по себе выиграть войну. Вы в этой войне не увидите ни одного привычного для вас боевого столкновения с использованием технических средств. А реально кто-то пошел на слив в результате этой войны.

Это происходит сейчас. Пока идут частные войны между корпорациями. В тот момент, как в эти войны будут вовлечены государства, они будут разваливаться,

рассыпаться, как ливийское государство. А дальше война опять пойдет между корпорациями.

После того как государства рассыпятся, большие корпорации, которые сейчас имеют большие кибер-центры, получают уже нового соперника. Тот, кто создаст маленький кибер-центр (а масштаб здесь не важен) выходит на театр войны как полноправный игрок. Раздавить его массой в общем случае невозможно, если он грамотно играет, в силу скрытности. Можно раздавить только более эффективным боевым управлением, боевым применением.

С этого момента ситуация переходит с уровня, на котором роль играет масса, на уровень, где в чистом виде играет роль эффективность. Не важно, какой из этих центров имеет большую массу боевых средств. Важно, какой из этих центров более эффективен. Достаточно эффективные боевые средства вы сейчас можете формировать в подвале на этом самом 3д-принтере или мини-АГПС. Для нанесения точечных ударов этого достаточно.

Если раньше, до этого момента, борьба кибер-центров ещё идёт на уровне реализации циклов, то с этого момента на первый план выдвигается **провокативное управление**, то есть воздействие на сам процесс формирования реализации этих циклов, на сам кибер-процесс. Таким образом, снова фундаментально меняется технология ведения войны, она же – технология ведения бизнеса. Мир меняется настолько фундаментально, что объяснить это людям с мозгами докембрийскими, которые сидят в Кремле и в российском генштабе, так же нереально, как и 20 лет назад.

Новая технологическая база и Нетократическое сообщество

На протяжении длительного времени имел место рост информационной составляющей войны. С 40-х до 90-х годов росла информационная составляющая в технологии ведения войны. Начиная с 70-х и до сегодняшнего времени, росла идеологическая составляющая ведения войны. Слово идеология сейчас не употребляют, употребляют другие слова – психотехнологии, информационная война. Сейчас наступает эпоха косвенного управления, то есть эпоха работы на сбой управленческих циклов противника с одной стороны, и на оптимизацию, стабилизацию управленческих циклов у себя. Это становится **базовой технологией** как в военной, так и гражданской жизни.

Что же приходит на место информации? Я могу для начала сформулировать, что место информации как технологической базы занимает **интуитивно-**

диалектическое управление распределением вероятностей. Место информации как технологической базы занимает интуитивно-диалектическое управление распределением вероятностей. Понятно, что после прочтения этого буквосочетания у Вас кроме ощущения лёгкого офигения не останется ничего. Что такое интуитивно-диалектическое управление распределением вероятностей? Как оно может быть технологической базой? Чтобы прийти к какому-то интуитивному пониманию этого определения нам придется очень долго думать и много читать.

Чтобы начать осознать, о чём идёт речь, Вам следует для начала изучить, что такое управленческий цикл, затем вы поймете, что такое распределение вероятностей. На этом основании уже можно понять, что такое конкуренция центров управления распределения вероятностей. Понять, почему не факт, что большие центры здесь имеют преимущество перед маленькими. Может быть как раз наоборот.

Освоение новых технологий производства, бизнеса, производства вооружений и боевого применения – это задача каждого, кто видит своё будущее в среде элиты формирующегося постиндустриального общества – нетократии и постиндустриальной технократии. Нетократическое сообщество ставит перед собой сегодня триединую цель освоения и развития новых, постинформационных технологий управления, синтеза кибер-центров и центров технического творчества молодёжи, формирование общественных структур для адаптации общества к процессам постиндустриального перехода.

В апреле-мае 2013 года мы планируем Деловую игру и семинар в Киеве, в рамках которых намерены детально разработать процесс становления современного высокотехнологического бизнеса в условиях хотя бы одной из стран, где компактно проживает существенная часть русского эгрегора. Мы будем развивать образовательную систему нетократического сообщества. Этот маленький вводный курс лекций – первый кирпичик в систему этого образования. Мы будем развивать сеть общественных организаций во всех странах, где живут представители нашего сообщества, русская нетократия. Мы ставим перед собой задачу создать для талантливой русской молодёжи эффективные социальные лифты для рекрутирования в элиту постиндустриального общества.

Я приветствую инициативу российской части нашего сообщества по организации Нетократической Партии России – важного инструмента для налаживания социального партнёрства и сотрудничества со всеми слоями российского общества, российской элитой, российскими властями. Я поддерживаю курс руководства Партии на выстраивание партнёрских отношений, проведение линии классового

мира в целях наиболее безболезненного вписывания русского общества в процесс постиндустриальной трансформации, обеспечение выживания русского эгрегора в этом процессе. Руководство НПР сумело подняться над узкоклассовым подходом, поставив задачу выживания русского эгрегора выше узкоклассовых интересов нашего сообщества.

Без быстрого и эффективного развёртывания технологических структур нового поколения, основанных на новых принципах социальной организации, Россия неизбежно окажется беззащитной жертвой в условиях грядущих геополитических столкновений и социальных трансформаций. А вместе с ней оказываются беззащитными и все страны СНГ, где живёт большая часть русского эгрегора, и которые являются его исторической колыбелью. Задача же становления нового технологического базиса в силу сложившейся структуры общества в РФ оказывается неразрешимой без построения того социального и политического партнёрства, работу над которым поставили своей целью молодые лидеры НПР.

Я понимаю, насколько тяжела и терниста та миссия, которую сознательно выбрало себе руководство Партии. Я хорошо знаю, насколько мало договороспособны те, кого судьба назначила им в партнёры. Я понимаю, что успех выбранной руководством НПР политики зависит не столько от руководства Партии, сколько от способности этих партнёров к адекватному восприятию реальности и их адаптации

к реальности. И при этом я горячо желаю успеха жертвенной миссии, которую далеко не каждый был бы способен выполнить. Например, я - с моим политическим опытом и знанием тех, с кем придётся иметь дело – уже неспособен.

Этим напутствием я заканчиваю наш маленький вводный цикл лекций. То новое восприятие реальности, которое у вас сложилось в процессе его освоения, позволит Вам более адекватно принимать решения в жизни, в бизнесе, в политике. В процессе Вашего партийного образования, личностного роста, строительства современного бизнеса и общественных структур – да пребудет с Вами успех.